

ЗОЯ КАРПОВА

**ГОЛУБАЯ ЗВЕЗДА
АТЛАНТИДЫ**

Зоя Карпова

Голубая звезда Атлантиды

«Accent Graphics communications»

2018

Карпова З. М.

Голубая звезда Атлантиды / З. М. Карпова — «Accent Graphics communications», 2018

ISBN 978-5-6040461-0-4

Роман-трилогия «Голубая звезда Атлантиды» написан на стыке жанров: фантастики, научной фантастики и альтернативной истории. Действие происходит в Атлантиде более двенадцати тысяч лет тому назад. Версия расцвета и заката авторской Атлантиды не совпадает с известными историческими и мифологическими трактатами о загадочной цивилизации, которая не оставила никаких артефактов. Взору читателя открывается воистину удивительный мир атлантов. Днём над Землёй сияют две звезды: жёлтое Солнце и голубая Немезида. Ночью призрачным дозором обходят небесные владения три луны. Необычная природа накладывает отпечаток на жителей подлунного мира. Атланты – не боги, они имеют особенные характеры, достоинства и слабости. Любовь и коварство, преданность и измена, интриги и заговоры – верные псы приключений сторожат путь героев. Атланты сильны духом и телом, но и звёзды не дремлют. Игра в бисер постоянна. Герои словно идут по скользкому бревну: слева битва со стихией, справа с самим собою. Что опаснее, и кто победит?

ISBN 978-5-6040461-0-4

© Карпова З. М., 2018

© Accent Graphics
communications, 2018

Содержание

Зоя Карпова	5
Об авторе	6
Пролог	7
Часть I. На рассвете	8
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	35
Глава 6	41
Глава 7	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Зоя Карпова
Голубая звезда Атлантиды

Категория: Фантастика
Т/О «НЕФОРМАТ», 2018
ISBN 978-5-6040461-0-4

* * *

Об авторе

Зоя Марленовна Карпова, физик по специальности, родилась в Железноводске, жила и училась на Алтае, работает в Дубне.

Творческое начало писательницы проявилось еще в детстве, заполнило юные годы и осталось с ней на всю жизнь. Зоя Карпова писала сказки, стихи, эпиграммы, занималась всеми видами танца. Любовь к науке и тяга к звёздам в свое время перетянули чашу весов, но на физико-математическом факультете университета она продолжала писать заметки для стенгазеты и придумывать креативные идеи.

Работа в нейтринной обсерватории, участие в экспериментах по детектированию солнечных космических лучей, защита диссертации не помешали ей участвовать в литературных конкурсах и в 2014 году с полным правом стать членом Российского союза писателей.

Зоя Марленовна – автор множества рассказов, опубликованных в различных сборниках и журналах, сборника «Контакт».

Пролог

– Дедушка, я есть хочу, – канючил маленький Ис.

– Вот, возьми сухарик, поешь! – крепкий старец с длинной, снежно-убелённой бородой, одетый в плотный шерстяной плащ, протянул малышу старый, засохший кусок ржаного хлеба.

– Дедушка, он совсем не грызётся, – ныл малец.

– А ты в ручей опусти, он отмокнет и помягчает, – посоветовал он.

На какое-то время Ис завозился и затих. Дед вздохнул, устраивая ночлег в высокогорной пещере. Скоро ночь. Молодой месяц взошёл над облачным морем, оставшемся где-то там внизу. Розовым светом он осветил горный пейзаж, снежные вершины и слоистые облака между ними. Пора бы и соснуть, хоть немного. Летом ночи короткие. Прохладно. Он зябко поёжился.

– Дедушка, расскажи мне сказку.

– Я сказок не знаю, могу рассказать поучительную историю или быть. Что ты хочешь послушать?

– Про людей-рыб.

– Да я уже десять раз тебе сказывал, – возразил старец.

– Ну и что. Расскажи!

– Ладно, слушай, – он помолчал, вспоминая, вздохнул. – Давным-давно жили-были люди-рыбы. Они жили под водой, строили там дома и поселения, охотились на морских животных и ловили рыбу. Жили и любили, растили детей и обучали их разным премудростям, как это делаем мы – люди. Безбрежный Океан был им домом. Иногда люди-рыбы выплывали из глубин моря посмотреть на звёзды...

Часть I. На рассвете

*«Я, названный подобьем божества,
Взomнил себя и вправду богоравным».*
«Фауст», Гёте

Глава 1

Адельфина

Лёгкое дуновение утреннего бриза прикоснулось к прозрачному облаку розовой ткани в проёме окна тридцать пятого этажа элитного небоскрёба, стрелой взметнувшегося вверх навстречу восходящим светилам планеты Земля. Ткань затрепетала и обратила облако в искрящийся в лучах Солнца и Немезиды парус. Парус расправил крылья и радостно взмыл к резному наличнику над окном. Голубой луч северного светила скользнул вовнутрь и нежно погладил атласную кожу медно-красной акварели юной девы, дремавшей на широкой круглой софе под прозрачным розовым покрывалом. Покрывало немного сбилось и приоткрыло изящные формы почти детского возраста. Длинные белокурые волосы разметались по подушкам. Их волны от полного штиля переходили в шторм, закручиваясь в тугие плотные кольца. Милое создание сморщило носик и приоткрыло один глаз. Пребывая между сном и бодрствованием, она осторожно, как бы боясь стряхнуть остатки сна, протянула руку к тумбочке и взяла корбочку-пульт. Одно нажатие кнопки – и розовый парус послушно сложился в проёме окна, застыв зеркалом решёток-жалюзи.

Однако сон уже улетучился и унёс сладкие неясные грёзы. Прелестница потянулась, зевая, перевернулась на живот и потянулась. Сегодня – особенный день. Решение было принято мгновенно. Она вскочила с ложа, быстро надела купальный костюм и короткую тунику и выбежала на залитую лучами двух солнц террасу. Аэродинамическое крыло весело откликнулось на свист хозяйки, перемигиваясь лампочками. Оно подкатилось к ней с распахнутыми ремнями безопасности и ожидало распоряжений. Озорница привычным движением застегнулась в систему ремней и оттяжек и выдохнула:

- Поехали, Дружок, полетаем над заливом. Сегодня чудесный день!
- Сегодня чудесный день, – пропело крыло, – полетаем.

Аэродинамическое крыло доехало на тонких ножках-опорах шасси до стартового причала и по крутому трамплину взмыло в вышину зеленовато-голубого неба, расцвеченного причудливыми узорами фиолетовой дымки на горизонте.

– Сегодня чудесный день, Адельфина! – раздался голос далеко внизу на отдаляющейся террасе.

Крупная полная женщина воздевала руки к небу:

- Ты помнишь, какой сегодня день, малышка?
- Сегодня чудесный день, няня! Я ненадолго. Жди. Мы скоро с Дружком вернёмся. Приготовь моё новое платье к выходу, пожалуйста!
- Непременно, моё солнышко, – пробормотала скандка, качая головой.

* * *

Небольшой народ, сканды, отличались весьма крупными чертами лица и широкой костью при довольно высоком росте. Они были белокожими альбиносами с серыми или голубыми выразительными глазами. Имели добродушный нрав. Основная цитадель – морская крепость Аквадос – столица княжества Скандия – ухитрилась заключить с соседями мирный договор о невмешательстве в политические дела друг друга и неукоснительно соблюдала полный нейтралитет. Трудолюбивые сканды были желанны в любом уголке континента Атлантиды и в любой семье, которая могла бы себе позволить такую высокую статью расходов. Поскольку бабушки атлантов вели активную политическую жизнь, то их природную роль выполняли в состоятельных домах наёмные няни, кормилицы, экономки, мажордомки или домоправительницы, соче-

тающие все эти названные качества. Они имели юридический статус родственников той семьи, в которой работали и жили. Договор с ними заключался сразу лет на десять-пятнадцать. Разрыв контракта считался чуть ли не позором для всей фамилии и особо остро освещался в бульварной прессе.

* * *

Весёлый ветер подхватил аэродинамическое крыло и понёс воздушную путницу над удивительно прозрачной акваторией морского залива – языком, подлизывающим белый песок суши, служившей пляжем курортному городу Гелиополю. Тугая струя набегающего потока пружинила под сегментами крыла и закрылками на крутых виражах, которые лихо закладывала пилотесса, когда рассматривала косяки рыб с широкими большими плавниками, похожими на кучерявую вуаль городских модниц. Поймав нисходящий воздушный поток, девушка плавно приземлилась на тёплый песок в диком месте далеко от муниципальных пляжей. Адельфина любила поплавать совсем без одежды, которая стесняет не столько движения, сколько отделяет её от стихии водного царства и мешает полноте ощущения гармонии с природой. Она долго играла в «догонялки» с молодым резвым дельфинчиком, поскольку он позволял это делать – то обгоняя, то отставая от него. Девушка нырнула глубже вниз, поймала зазевавшуюся рыбёшку и вытащила её на солнышко. Рыбка сердито выпучила глаза и пошлёпала вывернутыми красными губами. Охотница ослабила хватку, и рыбка описала высокую дугу над головой ныряльщицы, прежде чем уйти в пьянящий аквамарин воды. Адельфина со смехом послала ей вдогонку фонтан брызг ладошкой и поплыла к берегу.

Она снова взмыла в вышину небесных просторов, паря наравне с морскими птицами. Всё дальше и дальше от берега, всё выше и выше от водной глади. Порывы ветра усиливались, но временами они сменялись полным штилем и блаженным покоем. Контрасты тёплого и холодного воздуха заставляли аэродинамическое крыло нырять вниз, а затем круто подниматься вверх. Воздушные качели так увлекли пилотессу, что она очнулась уже далеко от знакомых пейзажей. Пора возвращаться!

Из-за ближайших гор на юго-востоке медленно напозлали тёмные свинцовые тучи. Воздух стал влажным и прохладным. На побережье близ Гелиополя закрутилась пыльная позёмка, поднимающая песок и мелкие камешки в воздух. Ветер усилился настолько, что невозможно стало повернуть обратно. Адельфина отчаянно пыталась нащупать восходящий аэродинамический поток в нужном направлении, но вскоре поняла, что это бесполезно. Крыло трепетало в надвигающемся штормовом предвестии. Провалы в траектории полёта ныряли всё глубже и ближе к солёным пенящимся брызгам, срывавшимся с гребней невысоких волн. Буря приближалась стремительно.

«Шквальный ветер, пожалуй, баллов на пять-шесть будет. Лишь бы дотянуть до берега», – подумала Адельфина, продолжая бороться с неумолимой стихией. Очередной порыв вихря подхватил крыло и как пушинку завертел, закружил в смеси восходящих и нисходящих потоков. Крыло сделало сальто и вошло в крутое пики, но едва девушка коснулась ногами набегающего водного вала, как ураган снова подхватил случайную игрушку и стремительно понёс её прямо на прибрежные остроконечные скалы. Скорость ветра нарастала в бешеном темпе. Скалы приближались. Адельфина распахнула глаза, пытаясь оценить расстояние до них и безуспешно дёргая руль высоты на неуправляемом крыле. Вскоре жёлто-каменная стена закрыла весь видимый в полушлеме обзор. Девушка уже различала трещинки и неровности гранитного рельефа, острые зазубрины и сколы. Многочисленные каменные пики торчали из воды под стенами скалистых небоскрёбов. Ещё одно полное сальто, и Адельфина закрыла глаза, побелевшей рукой судорожно сжав руль высоты в крайнем положении...

* * *

Перегрину, домоправительница семьи Аронов, выглянула в окно. «Надо торопиться – скоро должна вернуться Адельфина», – размышляла она. Платье для её вечернего выхода давным-давно готово. Осталось добавить прозрачную накидку и подобрать украшения – и всё. Кислородная смесь для жемчужной ванны готова, едва хозяйка войдет в воду, тут же она забурлит, заклокочет и вспенится. Массажистка будет вовремя. Модельер-визажист ожидает повторного звонка. Парикмахер вместе с маникюршей придут вот-вот. Женщина задумалась, похозяйски оглядывая проделанную дорогой швеёй работу. Из состояния задумчивости её вывел громкий настойчивый звук настенных квадродинамиков. Домоправительница вздрогнула от неожиданности. Раздался требовательный повторный звонок видеофонной стены. Перегрину поторопилась в зал связи.

По информационному каналу передавали специальный выпуск «Метео Новостей» – прогноз погоды по юго-западному региону.

– Как сообщают синоптики из гидрометеоцентра Миртосполиса: в ближайшие два часа в курортной зоне Юго-западного Побережья ожидается усиление ветра до восьмидесяти пяти-девяноста километров в час. Широкий фронт воздушных масс с низким давлением, возникший в Атлантическом Океане, направляется в коридор привычных сезонных муссонов. В зону циклона попадает прибрежная часть города Гелиополя и район Виноградников, а также залив Белая Раковина. Силу штормового ветра специалисты гидрометеоцентра оценивают как шквальную – в десять баллов, а местами, вблизи центральной зоны циклона возможен ураган силой до двенадцати баллов. Основное направление ветров преимущественно юго-восточное. Высота волны ожидается до одиннадцати метров, что по шкале Морского Стандарта Атлантиды расценивается как первый класс опасности. Всех жителей региона, кто сейчас слушает наш информационный канал, просим передать штормовое предупреждение отдыхающим на пляже и просьбу администрации района во избежание последствий стихийного бедствия покинуть берег. Дальнейшую информацию будем передавать каждые пятнадцать южно-широтных минут. Оставайтесь с нами! Гидрометеоцентр Миртосполиса, столицы Атлантиды, благодарит вас, дорогие слушатели, за внимание.

Экран погас. Перегрину взволнованно выглядывала на террасу. Душно. В воздухе парило. Лёгкое волнение на море предвещало непогоду. Женщина прищурилась, прикрывая ладонью глаза от нестерпимого блеска солнечных бликов, отражающихся в морских волнах. Она тщетно всматривалась во вмиг потемневшее свинцовое небо. Плотные слоистые тучи и грозовые кучевые облака затягивали горизонт. Её воспитанницы Адельфины нигде не было видно. Только громкие крики сварливых чаек и неугомонный птичий базар, прерываемый нарастающим шумом морского прибоя, дополняли тревожную картину.

Скандка вздохнула, заторопилась снова к видеофонной стене и прослушала метеосводку повторно. Домоправительница постояла некоторое время в нерешительности, покусывая губы, и, наконец, осмелилась: набрала номер сэра Велизара – отца Адельфины и главы семейства Арон. Она быстро пересказала ему ожидаемый прогноз погоды и штормовое предупреждение гидрометеоцентра, а также высказала опасения в связи с прогулкой воспитанницы.

– Не волнуйся, Перегрину, я сейчас же подниму вертолёт со спасательной командой и передам наземной береговой службе просьбу отыскать мою дочь. До полудня, будь добра, не сообщай ничего леди Флоренции. Договорились? Я надеюсь на лучшее. Сегодня чудесный день! – и сэр Велизар отключил связь. Перегрину покачала головой: «И кто придумал такой этикет с „чудесным“ днём? Насмешка, да и только!?»

Буря разыгралась не на шутку. Спасательский вертолёт мотало из стороны в сторону как куриное перо. Экипаж и спасатели пытались просмотреть все возможные подветренные

уголки берегового рельефа с городскими пляжами и дикими пляжиками, с полянками и подходящими плато для посадки аэродинамического крыла. Глубина резкости изображения на экране монитора ухудшилась, что подтверждало достижение предела метеорологической оптической дальности прибора. По обоим берегам залива высадилось две группы десанта. Геликоптер отважно пробивался вперёд, держась ближе к правому скалистому берегу. Вот и наиболее ветроопасное место для путешественников на таком крыле.

– Не видно ни зги, командир! – прокричал первый наблюдатель. – Может, включим инфракрасный прибор-поиск, а?

– Да, придётся. Видимость упала практически до нуля, – согласился командир спасотряда.

Но и прочёсывание местности в инфракрасном диапазоне спектра не дало никаких обнадеживающих результатов и зацепок. Пилот геликоптера посмотрел на указатель горючего на приборной доске. Контрольных три часа поиска истекали. Замигала красная лампочка-светодиод, запас топлива заканчивался.

– Командир, пора уходить на базу, горючее на исходе.

– Что ж, ребята, уходим. Возможно, нашему десанту на берегу повезет больше. Курс на базу, пилот, – приказал он и неопределенно махнул рукой.

Геликоптер прижался к береговой линии. Пилот выровнял обороты лопастей главного подъёмного винта с хвостовым рулём, заложил очень крутой вираж и мастерски развернулся против воздушных потоков яростно бушующей стихии. Машина пронырливо маневрировала между штормовыми завихрениями, уходя от циклона и набирая безопасную высоту.

* * *

Адельфина открыла глаза.

«Где это я?»

По-видимому, она какое-то время пребывала в глубоком обмороке. Правая рука совсем занемела. Пальцы затекли и слушались с трудом. Заклинивший руль в момент проделывания крылом сальто принял исходное положение и замкнул управляющую цепь. После чего крыло резко взмыло вверх и, судя по альтиметру, набрало предельную высоту для такого типа аэродинамических аппаратов. Спидометр накрутил уже приличный километраж. Прикинув в уме скорость и высоту подъема, девушка деловито рассчитала, что в обмороке она была две-три минуты, а если учесть непогоду и дополнительную скорость попутного штормового ветра, то, может быть, и пять-шесть минут. Но, главное, на что она оптимистично обратила вдруг внимание – это то, что опасная зона циклона осталась далеко позади. Тепло. Солнечно. Тихо. Безмятежно. Открытие порадовало путешественницу. Аэродинамическое крыло уверенно парило над едва рябившей поверхностью лазурной воды. «Неплохо бы приземлиться где-нибудь и отдохнуть», – рассудила она.

Девушка высмотрела ровное, без растительности плато на вершине прибрежной скальной гряды и поймала нисходящий поток воздуха. Как только её ноги коснулись твёрдой почвы, путешественница тут же бухнулась на землю и уснула прямо под навесом крыла. Стресс, который она пережила, отнял немало сил у этого изнеженного комнатного цветка. Но молодой организм способен и не на такие перегрузки, поэтому минут через сорок дитя приключений уже мечтательно следило за яркими жёлтыми и красными бабочками, невесть откуда взявшимися на голом плато. Насекомые порхали низко над землёй, кружась в грациозном танце вокруг друг дружки. Их кружевные крылышки, покрытые живописной липкой пылью, нервно подрагивали на ветру, собирались вместе вертикально и мгновенно расправлялись, открывая колоритный рисунок обоим солнцам и теплу.

Внезапно Адельфина ощутила чьё-то присутствие. Она забеспокоилась и села на колени, оглядывая из-под ладошки незнакомые гористые окрестности. Невдалеке она увидела загорелого темноволосого юношу. Он был одет в узкую набедренную повязку и кожаную жилетку без застёжки. На боку висела сумка, из которой торчали птичьи лапки и хвосты.

– Славная у меня сегодня добыча, – сказал он, широко улыбаясь.

– Это ты меня записал в свою добычу? – спросила Адельфина презрительно.

– Что вы, леди! Я имею в виду этих диких птичек. Не хотите ли разделить со мной и моей семьёй трапезу? Я умею их быстро и вкусно готовить.

Адельфина задумалась, но ненадолго.

– Было бы очень кстати, однако я тороплюсь возвратиться домой – меня, наверное, разыскивают. А я из-за непогоды не могу лететь обратно. Я обязательно воспользуюсь твоим любезным приглашением когда-нибудь, но с условием, что сейчас ты выведешь меня отсюда коротким путем в Гелиополь. Договорились? А обед за мной в следующий раз, ладно?

– Как вас зовут, леди Приключение? – спросил юный охотник.

– Адельфина из Гелиополя. А тебя, о, юный Представитель Диких Мест?

– Каллист из Агры. Это не тот Агрополис, который в Скандии. Это центр здешнего земледельческого нома.

– А-а, понятно. Мы проходили это в гимназии первой ступени.

Юноша усмехнулся:

– Ваше крыло, леди, придётся везти на буксире, позвольте я помогу вам.

Вскоре юноша и девушка неспешно спускались по горной тропинке, едва приметной для непосвящённого путника, но хорошо знакомой для старожилов этой местности. Тропинка петляла между небольших, изрезанных дождевыми потоками глинистых валунов, высоких и низких холмов и взгорий, огибая овраги и вымоины. Местную горную возвышенность и плато образовывали в основном молодые по геологическим меркам лакколиты – округлые горы со сглаженными вершинами, напоминая о некогда бурной деятельности горячих недр Земли. Скучная, но красочная растительность состояла преимущественно из низкорослых ползучих гелиотропов.

Гелиотропы – живые часы природы – веселили взор случайных путников своими пушистыми лазоревыми и жёлтыми венчиками, которые копотливо следовали за солнечным теплом и временем суток. Агломераты из вулканических пород, сложенные из розового туфа и бурой брекчии, встречались то тут, то там. Вот маленькая зелёная чешуйчатая агама выползла и распласталась на рыхлой поверхности валуна из базальта, греясь в тёплых лучах двух солнц.

Тропинка круто пошла вниз вдоль выпуклой складки земных горных пластов – антиклинали, покрытой зелёно-фиолетовым ковром из мягких игольчатых листьев аспарагуса. Ниже стали встречаться цветущие кустарники дикой розалии, вечнозелёные деревья аукуба и крупнолистные древовидные пряности: базилик, бадьян и азалия. Плодовая рощица аллигаторовой груши – авокадо – раскинулась по пологим склонам и у подножия лакколитов. Островки пьяного дерева с целебным соком борнеолом густо увивали зеленовато-жёлтые лианы ядовитой омелы. Из зарослей лимонной вербены выскочил на тропинку и тут же умчался обратно золотистый заяц – агути. Лысые пятки ушастого лишь мелькнули в цветущих ветвях душистого кустарника.

Постепенно пышность и разнообразие форм южной субтропической растительности развернулись перед глазами юных путников во всё великолепие богатых красок и изобилии ароматов. Адельфина только успевала поворачивать кудрявую голову то в одну сторону за шуршанием озорных агути, то в другую – за полётом разноцветной длинноносой колибри. Крошечная пичуга размером с крупную стрекозу на лету опустила клювик-спиральку в медоносное рыльце цветка и, жужжа как пчела, высасывала сладкий нектар. Как быстро трепетали и стрекотали её маленькие крылышки, описывая восьмёрочную форму пропеллера. Лес наполнился шумами

и голосами всех его обитателей. Девушка никогда не была в лесу, в таком диком и первозданном, неухоженном и удивительном. Она даже немного побаивалась этого нашествия фауны и флоры. Его необычных запахов и звуков. Поначалу она шарахалась из стороны в сторону от каждого подозрительного шороха. Но постепенно её увлекли живописные зрелища и музыка леса, она стала замедлять шаг и останавливаться, чтобы рассмотреть какое-нибудь растение или насекомое на нём.

– Вот маленькая бабочка – зорька, с розовыми пятнышками на верхних крылышках. А вот её лесная родственница – голубянка, присела рядом с голубым цветком и стала почти незаметной для врагов, – показывал Каллист. – Рядом над ухом прожужжал и мелькнул крупный трудяга – шмель.

Каллист всё время подсказывал и рассказывал об обитателях лесной страны. И Адельфина начала осознавать, что тот книжный мир учебников существует не абстрактно, а на самом деле. Его можно потрогать и понюхать, даже пожевать, если отважиться что-нибудь сорвать. За ним можно наблюдать, следить за неуловимыми изменениями в движениях настоящих, реальных растений, которые, как оказывается, живут отдельно от учебных пособий и картинок и независимо от того, знает об их существовании кто-то или нет. А эти прелестные удивительные создания: бабочки, жуки, медоносы и стрекозы? Это же целый мир в миниатюре со своими трагедиями и драмами.

* * *

Тропинка свернула вглубь лесной чащи. Воздух стал тяжёлым и сырым. Испарения от утренней росы на траве и низком кустарнике поднимались вверх и смешивались с запахами цветов, грибов и ягод, зелёных и зрелых плодов, с прелью старых пожухлых листьев и стеблей, упавших отживших деревьев и гнёзд птиц. К ним добавлялось характерное амбре «мышатины» от прячущихся меж корнями мелких грызунов, травяной дух от лежищ пугливых оленей гуанако и густо-терпкий запах шерсти их серо-рыжих преследователей – адыгов.

– Леди, видите, вон там, в валежнике, свежесломанные ветки гиетума? Здесь провёл ночь большой чёрный медведь барибал.

– Что ты говоришь!? А где он сейчас?

– Не бойтесь, он давно уже где-нибудь у ручья рыбку ловит. Да и в такое время года он для людей не опасен. Вот в брачный период ему лучше не попадаться.

– Ты рассуждаешь как настоящий охотник, Каллист.

– А я и есть охотник. Мой дедушка и прадед, и прапрадед были охотниками.

– И на кого они охотились?

– Это зависело от заказов городов.

– Что это значит? – пожала плечами Адельфина. – Я об этом ничего не слышала.

– Ну, это очень просто, леди. В городах есть целая распределительная сеть продовольственных товаров. Часть продуктов поступает непосредственно на склады верхних этажей небоскрёбов для семей верхнего эшелона власти, часть поступает в распоряжение фонда общественного питания, например, для школ, гимназий, монастырей-мастерских, ресторанов, столовых для работающего населения на средних и нижних этажах, часть продуктов идёт в больницы и приюты. Отдельно снабжаются зоопарки и цирки. Кое-что попадает в магазины для всего населения города. И есть так называемая служебная часть. Она предназначена как для специальных служб города, так и всего государства – это пожарные команды, спасательные службы на воде и на суше, аэропорты и космодромы, морские крепости и различные поисково-разведывательные и научно-исследовательские экспедиции.

– Ага, значит, твоя семья занимается поставкой продуктов для этой сети?

– Не совсем так, Адельфина, – парень чуть призадумался и продолжал. – Наша фамилия занимается в основном слежением за распределением всех поступающих в юго-западный регион продуктов. Это и сверка календарных сроков, и транспорт для доставки грузов по назначению, и приём заказов от различных отделов этой сети, и разработка примерного меню для каждой группы населения вперёд на месяц, чтобы удобно было планировать поставку продовольствия и разнообразить стол. Ну и всякая всячина с этим связанная. Вы понимаете, о чём я говорю?

– Да, это интересно. Ты мыслишь в государственных масштабах. Для простого охотника – просто поразительно! – Адельфина с интересом посмотрела на спутника. – Зачем же ты занимаешься просто охотой? Ведь ты бы мог организовать группу охотников, которые бы делали подобную работу.

– А такая группа давно создана, есть и усердно работает на благо Атлантиды. Ею руководит мой дедушка. Однако он считает, что каждый член нашей Продовольственной Компании должен не только в уме складывать цифры, но и что-то делать своими руками. Пожалуй, я с ним согласен. Когда познаёшь тонкости ремесла, начинаешь больше понимать и ценить не только свой труд, но и чужой. Начинаешь уважать тех людей, которые занимаются подобным трудом. В этом есть особая изюминка. Да и общение с лесом и её обитателями доставляет мне немалую радость. Я думаю, когда ты очутилась в нашем лесу... Простите. Когда вы, леди, оказались в нашем лесу, то, пожалуй, поняли, что я имею в виду. Не так ли?

– Пожалуй, – согласилась городская гостья и важно закивала.

Далее их путь пересёк мелкий лесной ручеёк с прозрачной родниковой водой. На берегах были вытоптаны целые взлётно-посадочные площадки.

– Обратите внимание на эти площадки, – сказал Каллист, – это место водопоя лесных жителей. Тут ни один хищник не тронет всегдашнего врага. Даже если он сильно голоден. Он лучше будет лежать на брюхе и поджидать добычу часами в укромном месте в колючем кустарнике, но не у водопоя.

– Здорово! – воскликнула девушка. – Это в некотором роде соглашение о мире?

– Да, животные многое понимают из того, что может быть не дано людям.

Так они шли и беседовали как старые добрые друзья. Густой непролазный лес понемногу стал редеть. Замолкли крикливые голоса хищных гоацин – лесных птиц с крючковатыми когтями на пальцах, расположенных прямо на крыльях.

– С помощью этих когтей и нижних конечностей гоацины ловко лазают по деревьям.

Тропинка вывела путников к окраине города Гелиополя прямо к пешеходной движущейся дорожке. Городские шумы транспорта, людского гомона, свиста флаеров приветствовали молодую пару.

– Прощайте, леди Адельфина.

– Адельфина Арон, если быть точнее.

– Хорошо, я запомню! По этой дорожке вы попадёте прямо в центр города. А там сориентируетесь, надеюсь. Вы бывали на нижних этажах Гелиополя и улицах внизу?

– До сих пор не приходилось, – боязливо поёжилась она. – Однако ты не беспокойся. Спасибо тебе, Каллист, за экскурсию. Сегодня чудесный день!

Они пожали руки друг другу на прощание.

– Надеюсь, мы свидимся когда-нибудь. Сегодня и правда чудесный день, – сказал Каллист.

Он искренне улыбнулся и помахал рукой удалявшейся на бегущей дорожке нечаянной гостье. Адельфина придерживала аэродинамическое крыло левой рукой, а правой держалась за перила, золотистые волосы развевались на ветру и отсвечивали нежным шёлком в лучах двух солнц. Вскоре дорожка свернула за угол первого небоскрёба. Каллист задумчиво побрёл по

кривой и безлюдной тропинке обратно в лесное царство. «Удивительная девушка!» – подумал он мечтательно.

Глава 2

Охотник из Агры

*«Когда остынет огонь, а Луна запыляет,
тогда переменится природа смертных».*
Древнеиндийский афоризм

Бегущая дорожка унесла и скрыла за поворотом нечаянную лесную гостью. Каллист вздохнул, отодвинув ветку густого орешника, из-за которой смотрел на Адельфину из Гелиополя. Смутное волнение в груди странно обеспокоило юного охотника, он решил, что просто голоден, и поспешил домой в охотничий домик. Привычная лесная тропинка вывела молодого человека на знакомую лесную опушку. Беглый ветерок играл нежно-зелёными листьями молоденьких дубов, он доносил знакомые звуки домашнего подворья. Чувствовался запах дыма из печной трубы. Дедушка, заправлявший хозяйством семьи Иолантов так же хорошо, как и охотничьим парком, предпочитал достаточно простой уклад жизни. Быть ближе к природе – стало его девизом. Однако лесное охотничье поместье фамилии Иолантов имело весьма внушительные размеры для «скромного» домика, расположенного на живописном, красивейшем месте посреди лесного массива молодых дубовых рощ и базиликовых аллей, недалеко от выделенных муниципалитетом охотничьих угодий Агры.

* * *

Офис охотников Агры находился в неприметном месте на краю мангровой рощи. Деревянное трёхэтажное здание в виде терема скорее напоминало сказочный домик для гномов, вырванный из детской книжки, нежели серьёзное заведение для решения вопросов поставок питания в крупные города Атлантиды. Парадный вход обозначался скромной деревянной дверью с кольцом на ручке. Над окнами нависали резные наличники с узорами в стиле северной народности скандов. Слева и справа на крыше, по краям терема, имелась пара небольших флигельков, башенки которых венчали флагера в виде петушков. Ветер дул, петушки вращались, сверкая в лучах двух светил лакированными боками и посеребрённым хвостовым оперением. Со стороны можно было подумать, что это просто скучный музей охотоведения, куда в учебное время водят младших школьников.

* * *

Закрытое совещание Продовольственной Компании Агры открыл генеральный директор этой фирмы дедушка Каллиста, сэр Леопольд Иолант.

– Сегодня у нас экстренное собрание руководителей подразделений фирмы. Причина очень уважительная. Вчера вечером мне были представлены анализы пробных партий продукции наших последних поставок в города и деревни юго-западного региона Атлантиды. Качество продуктов, как оказалось, не соответствует необходимым стандартам Минздрава Атлантиды.

В аудитории люди зашумели, зашушукались, послышались голоса:

– Такого не может быть, в процессе производства мы же регулярно контролируем соблюдение государственных стандартов и тестируем на морских свинках пригодность продукции. Где факты, где доказательства?

Сэр Леопольд Иолант посмотрел искоса в зал, сменил листок и невозмутимо продолжил:

– Дисциплина прежде всего, атланты! Попутно отвечу, что неплохо бы тестировать выпускаемую еду и на людях, добровольцах. За небольшую плату жители Нижнего Города согласятся, пожалуй. Малоимущим горожанам – какой-никакой доход, да и народу польза. Не так ли?

Аудитория взорвалась спонтанной дискуссией:

– Живые испытания противоречат конвенции Здоровья! – возмущались одни.

– Риск – благородное дело, зато можно спасти тысячи тысяч людей, – отвечали им другие.

– Тихо, коллеги, проявите уважение к докладчику! Давайте дослушаем всё-таки!

Аудитория присмирела, снова внимая архиважному докладу.

– У наших специалистов биотехнологов возникли некоторые подозрения. Кто-то из вас, господа, хотел услышать факты? Извольте. Во-первых, установлено, что часть продуктов – это чья-то ловкая подделка, не имеющая никакого отношения к нашему производству. Во-вторых, наша лаборатория обнаружила кое-что чрезвычайно любопытное. А именно, биологи нашей Продовольственной Компании откопали один интересный прецедент: какая-то часть из этих чужих (неизвестно чьего производства) продуктов – есть генетически изменённая пища, возможно, выпущенная со злым умыслом. С целью проведения биологических опытов на атлантах?

– Кто бы это мог сделать? – раздался возмущённый голос с задних рядов.

Возмущение подхватили и другие слушатели, затопали ногами. Мгновенно «вырос» целый лес рук. Многие хотели бы немедленно выступить со своим мнением.

– Наша задача состоит в том, чтобы сначала проследить всю цепочку чужих поставок, а затем обнаружить главного виновника генетических изменений продуктов. Как вы понимаете, фальсификация нашей продукции бросает тень на всю Продовольственную Компанию в целом. Мы должны отстоять доброе имя продукции Агры, иначе атланты перестанут доверять нам и кинутся к конкурентам, которым только того и надо.

– Уважаемый сэр Иолант, возможно ли допустить, что подобное генетическое изменение – всего лишь случайная природная мутация, например, от неправильного хранения продукции? – спросил один молодой человек, недавно пришедший к руководству упаковочным подразделением.

– Всё возможно, молодой человек. Мы пока никого не обвиняем. Мы хотим сначала разобраться во всём сами, только потом будем докладывать руководству в верхах. Какие будут вопросы или предложения?

* * *

Дедушка, сэр Леопольд Иолант, ждал внука к обеду, одетый в домашний мохнатый жилет из шкуры адыга и шерстяные вязаные полосатые носки. Шаркая меховыми тапочками по паркету, он выглянул в окно из просторной гостиной, куда экономка – традиционно скандка – подала обед, стывший в большой фаянсовой супнице.

Глиняные столовые горшочки с льняными салфетками ждали двоих. Высокая кринка с густой сметаной из погреба покрылась в тепле испариной. Дедушка нервничал. Из-за куста цветущего базилика наконец-то появился Каллист с полной сумкой дичи. «Слава Двуетино-началию! Молодец, мой внук!» – старший охотник в семье удовлетворённо расправил плечи. Облегчённо вздохнул. – «Можно его переводить на следующую ступень охотничьего мастерства. Дорос!»

– Я пришёл к тебе из леса, рассказать, что полдень скоро! Сегодня чудесный день, дедушка! – радостно воскликнул Каллист. Он вошёл в столовую и снял с плеча охотничью сумку. Экономка молча кивнула, приняла добычу и понесла её на кухню. Каллист прошел к

сенсорному рукомоюнику. Одно прикосновение к чувствительному элементу, и тёплая вода полилась на руки.

– Чудесный день! Ты пришёл прямо к обеду! Всё горячее. Садись, Каллист, ешь и рассказывай. Как прошла охота? Мне очень интересна даже всякая мелочь. Я в нетерпении.

– Сейчас, дедушка, – ответил Каллист, вытирая руки простым вафельным полотенцем.

Горячий суп из вчерашней дичи с овощами и зеленью был великолепен. Дед, не торопясь, прихлёбывал суп, посматривая на внука из-под густых рыжих бровей. Он с любовью смотрел на проголодавшегося юного охотника и ждал лесных новостей. Экономка принесла большой чайник с душистым отваром из целебных трав, варенье и булочки с изюмом, под села рядом. Подпёрла кулачками пухлые щёки. За окном шелестел весенний лес, уже оперившийся молодой листвой. Земные светила начинали припекать. Редкая птица перепархивала с дерева на дерево, да мелкий пушистый зверёк – то белка, то куница лениво перепрыгивали с ветки на ветку. Стоял атлантический полдень.

* * *

– Шёл я, шёл по лесной тропинке, той, которая петляет между старыми сине-зелёными камнями, завалившими когда-то вход в древнюю пещеру, и вышел на опушку. Увидел под ногами перья, оброненные, видать, в птичьей драке, весна ведь. Поднял перо, оказалось, что оно из крыла бекаса. Прикинул в уме – куда стая полетела? На юго-восток к озёрным камышам. Им в зарослях удобнее гнёзда вить, да и убежище от хищных ястребов надёжное. Спустился с пригорка и напрямик побежал туда. Остановился, дух перевёл, нашёл перья, такие же, но от бекасов более молодых – цвет яркий. Подкрался к сухим прошлогодним стеблям и свистнул. Стая снялась с места. Тут я влёт и взял первую добычу, – Каллист приосанился, глаза заблестели, он воодушевленно размахивал ложкой, показывая траекторию полёта бекаса, сегодня попавшего в сумку к охотнику, а завтра, возможно, в суп.

Сэр Иолант слушал внука внимательно, любовался на доброго ученика охотника.

– Всё, что ты рассказываешь, хорошо, конечно. Я рад за тебя. Твоя наблюдательность и собранность наконец начали радовать не только меня, но и всю нашу семью. Растёшь на глазах. Но у меня есть более достойное для тебя занятие.

– Какое занятие может быть достойнее охоты, дедушка? – весело спросил Каллист.

– Не торопись, внучек. Экий ты приткий! Эх, молодо-зелено! Пожалуй, то дело, которое я хочу тебе предложить, можно назвать охотой. Однако сначала, уважаемый охотник сэр Каллист, тебе придётся слегка подучиться.

– Где это, ещё подучиться? Ну, вот незадача: опять учиться! Дедушка, сколько можно!?

– Человек, голубчик, всю жизнь учится, совершенствуется, знаешь ли. Кроме того, стоит мне назвать имя подразделения нашей Продовольственной Компании, как ты сам с радостью побежишь туда учиться.

– Дед, ты меня заинтриговал, честное слово! Говори же, не томи!

– Заняться тебе, внучек, необходимо генетикой. В службе продовольственной генетической безопасности нужен свежий человек, не примелькавшийся ни среди своих, ни среди чужих. Сочиним тебе подходящую... эээ... легенду. Мои ребята натаскают тебя по всем параметрам. Намнут бока. Слегка. Ну, уж извиняйте! Поверь мне, в этом щекотливом деле тебе придётся оперировать не только биохимическими формулами и всякими там бензольными кольцами в сложных углеводородах. Улавливаешь?

– Охотничьим ружьём я владею неплохо, дедушка.

– Молчи, дитя неразумное. Тебе надо мышцы подкачать, реакции всякие в экстремальных ситуациях наработать, приёмы борьбы без оружия освоить. Да и с холодным оружием, я думаю, ты знаком только в виде кухонного комбайна и кнопок «пуск» и «стоп». Психологию

общения с разными людьми и эффективные психологические методы воздействия ты знаешь? Не знаешь. Физиогномикой и диагностикой владеешь? Не владеешь. Короче, два с половиной месяца я, мы – то есть семья и Компания – даём тебе на учебу и подготовку. Надеюсь, я ясно выражаюсь?

– Есть, сэр Леопольд Иолант! Да, дедушка! – радостно подпрыгнул внук. Ему уже не сиделось на месте.

– Сиди, ешь, не прыгай! Сегодня ты отдыхаешь. Причём дома отдыхаешь.

– Дедушка, а можно мне не дома? Сегодня вечер выпускников в Гелиополе. Я бы хотел попасть на этот праздник, – Каллист потупил глаза.

– Что, уже есть из-за кого? Ладно, уж иди. Да сильно глаза не мозоль никому. Пригласительный билет заказать через Компанию, что ли?

– Дедушка, какой ты у меня замечательный! Закажи, пожалуйста, билетик.

– А как её зовут?

– Кого её, дедушка?

– Это ты меня-то, стреляного воробья, хочешь на мякине провести?

– Не-а, вас не проведешь, дорогой сэр Леопольд Иолант. Как ты догадался? Ума не приложу. Дедуля, её зовут... ммм... Адельфина Арон. Вот.

– Эх, внучек! Ум прикладывать уже пора учиться. Вона куда тебя занесло! По старинке фамилия будет «Аарон», значит? Знал я когда-то одного из них, сэра Станимира Аарона. Старый шельмец! Древние атланты, хм... Зазнайки! Не нашего поля эта ягода, я тебе доложу, внучек.

– Да она совсем другая. Не веришь? Честное слово. Она хорошая девушка, не зазнайка вовсе, и очень красивая.

Каллист вспомнил полуденное невероятное приключение и нечаянное знакомство с Адельфиной и посмотрел на верхушки деревьев, раскачивающихся в такт его возбуждённым мыслям. Поэтический стих призвал музу, готовую нашёптывать любовную лирику. Однако записать рифмы он мог только вечером в тишине, поэтому Каллист спустился с небес и обратился в слух, всячески выказывая почтение любимому дедушке.

– Ладно, внучек. Все девушки хороши, милы и красивы до поры до времени. Моё дело стариковское. За свои неполные сто шестьдесят три года хороших и хорошеньких девушек, прекрасных и распрекрасных фигурой, умом и характером, я видал и «перевидал» достаточно. Могу заверить письменно и печать поставить: лучшая из них та, что прошла мимо, особенно в молодом и «вьюном» возрасте, когда карьеру надо делать, на ноги становиться.

– А как же бабушка? – внук озорно сверкнул глазами.

Сэр Леопольд Иолант тщательно вытер губы и руки льняной салфеткой, встал из-за стола и вышел на веранду, чтобы по привычке подремать после обеда в кресле-качалке на свежем воздухе. Каллист повторил все те же движения наспех и вприпрыжку выскочил следом. Дедушка сел в кресло и посмотрел на внука как будто сердито:

– Ты бабушку не приплетай сюда. Не умничай! Бабушка – это святое. Я предупредил тебя как более опытный товарищ и повидавший всякого в жизни. Остальное – дело ваше, молодое. Разберётесь, – он вздохнул и покачал головой. – Хорошо, Каллист, будет тебе пригласительный билет на Бал Выпускников в Гелиополе. Я позабочусь об этом, так и быть.

Глава 3

Адельфина в Нижнем Городе

В это время сумасбродную путешественницу занимал уже новый мир городских улиц нижнего этажа – «Нижний Город», о котором в их школе говорили только шёпотом на ушко друг дружке, озираясь по сторонам – нет ли близко учителей. Её сверстницы, как и она сама, никогда не бывали на улицах и перекрёстках «Нижнего Города». От волнения, что она увидит «Нижний Мир» своими глазами, а не понаслышке, у девушки участился пульс.

Бегущая дорожка, траволатор, доставила Адельфину в Центральный район города Гелиополя, на Площадь Двух Солнц, похожую по форме на цифру восемь. Одно колечко этой «восьмёрки» называлось в честь главного светила – «Дом Жёлтой Звезды». Второе колечко имело честь удостоиться имени спутника Солнца – это был «Дом Голубой Звезды» – Немезиды. При первом же просвете между перилами, своеобразной станции посадки пассажиров, девушка сошла с траволатора на тротуар. В центре площади возвышалась громадная статуя с двумя головами, символизирующая власть двух светил. Одна голова была мужской, другая – женской. Вокруг статуи размещались высокие смежные арки, купол которых переходил в многоструйный фонтан-жирандоль. Тугие струи хрустальной воды разбрызгивались так, чтобы падающая вода собиралась вновь у подножия статуи, попиравшей ногами крышу аркатуры.

Адельфина, открыв рот, пошла напрямиком через площадь к статуе, чтобы лучше рассмотреть символ религии атлантов. Ощущение величественности знаменитой скульптуры «Двуетиноначалия Всего» возникало у любого, кто осмеливался подойти к её стопам. Мраморное изваяние свысока взирало на копошащийся внизу «человеиник». Точнее, оно вообще не лицезрело ни одно человеческое существо, так как мужская голова смотрела на восток, встречая каждое утро восход жёлтой звезды – Солнца, а женская голова – на север, поджидая восход голубой звезды – Немезиды.

У подножия храма стояла группа людей в длинных и бесформенных лиловых плащах и о чём-то оживленно спорила, поглядывая на Адельфину. Вскоре от этой компании отделился один из спорщиков и подошёл к девушке.

– Простите, леди, не знаю вашего имени, вы не бывали в храме Двуетиноначалия Всего?

– Нет, а вы кто? – попятилась она от незнакомца.

– Не бойтесь меня, дитя моё. Я один из скромных служителей этого храма.

– А где этот храм находится?

– Здесь, внутри этого великолепного символа Двуетиноначалия Всего, который жители Атлантиды именуют Скульптурой.

– Моё имя... – начала было лепетать Адельфина. Но служитель прервал девушку и заговорил сначала тихим вкрадчивым, а затем глубоким бесцветным монотонным гипнотическим голосом:

– Не торопитесь, дитя моё, называть имя первому встречному, даже мне. Имя каждого гражданина Атлантиды, да и просто любого человека, заключает в себе большую силу. Силу эту доверять чужому человеку не стоит, кто бы он ни был для вас. Я назову вас по-своему, допустим, Аэрина-ра.

– Почему Аэрина, да ещё с приставкой «ра»?

– Это ведь ваше аэродинамическое крыло, не так ли? – незнакомец указал правой рукой на виновника приключений девушки.

Адельфина кивнула, а служитель храма продолжил:

– «Аэрон» означает воздух. Поскольку воздух – ваша стихия, если я не ошибаюсь, то вы дружите с этой стихией. Я прав? Скажите «да», – он сосредоточился.

– Да-да, – в задумчивости ответила Адельфина.

Храмовник посмотрел пристально девушке в глаза и сконцентрировал стальной тяжести взгляд на её переносице, слегка вздохнул и напевно забубнил, не сводя с девушки цепкого внимания:

– Приставка «ра», которая вас смутила, дорогая Аэрина-ра, – это вежливое ритуальное обращение к приверженцам нашего храма Двуетиноначалия Всего. Концепция Двуетиноначалия – есть единство и борьба противоположностей. Это первый из основных законов философии. Единство числа «два» отражает картину Всего. Вы согласны? Скажите «да».

– Нет! Извините, нет! – тряхнула головой Адельфина, как бы стряхивая с себя странное ощущение.

Она уже поняла, что храмовник использует силу гипноза, не спросив согласия, и возмутилась. Адельфина набрала больше воздуха в лёгкие, и в её голосе зазвучал металл свободной души:

– Я не считаю себя приверженцем вашего храма. Лично у меня иное мнение о сути всего и о сути Двуетиноначалия Всего тем более. Я полагаю, число «два» не отражает концепции мироздания. Должно быть число «три» главенствующим во всём, также как между «плюс единицей» и «минус единицей» на числовой оси лежит «ноль». Я считаю, ваша концепция не верна, потому что не отвечает многим природным явлениям. Ваше утверждение ошибочно, как и ваши жалкие гипнотические потуги повлиять на моё мнение: «А не стать ли мне приверженкой вашего храма?» Мой вердикт – «нет» и число «три».

– Интересная версия, дитя моё. Однако, что вы сможете возразить, когда извечные антагонисты – холод и жар, бок о бок соседствуют в природе. Вспомните, Аэрина-ра. Высоко в горах Скандии холод ледяной вершины Синева Небес таков, что птица стынет на ветру. Жар же огненного вулкана Красный Цветок на южном острове Юмбе позволяет аборигенам жаривать дичь на его склонах без сковородки. Число два сопровождает нас повсюду. Сухой песок в пустыне Золотая Долина на юго-западном побережье и сырость торфяных болот, таящихся в непролазной чаще близ крепости Аквадос. Я уже не говорю о контрастах Верхнего и Нижнего Города в Гелиополе. Небо и земля не сходятся никак.

– О-о, очень просто: всегда есть середина между крайностями. Ощущение тепла человеку комфортнее, чем жар или холод. Потому-то атланты и выбрали умеренный климат для строительства городов. А влажный воздух морского бриза приятнее знойного самума или гнилостных испарений. Кто оспорит? Третья пара также проста: между «верхом» и «низом» горожан существует средний класс – опора государства. А между небом и землей простирается линия горизонта. Разве не так? – в глазах бунтарки заплясали огоньки озорства.

– Да, в наблюдении вам не откажешь. Кроме того, я чувствую, у вас хорошая школа. Видимо, очень дорогая школа? Тем не менее, всё перечисленное не более чем условное умозаключение, точнее, соглашение, которое приемлемо с точки зрения комфортных человеческих условий существования. Но, допустим, что вы правы. Тогда приведите достойный аргумент для понятия «включено – выключено», скажем, для управляющей цепи вашего аэродинамического крыла?

Адельфина смущённо замолчала. Служитель храма Двуетиноначалия по-дружески похлопал её по плечу:

– Так-то, Аэрина-ра. Истина – она одна. Заходите к нам в храм как-нибудь, побеседуем. Спросите отца Менкаухора-ра. Замечу, что это имя ханнаку – то есть посвящённого. Может быть, прямо сейчас и зайдёте? Вы интересная собеседница! А?

– О, нет-нет, благодарю вас, отец Менкаухор-ра. В другой раз, возможно. Я не могу сейчас, я очень тороплюсь. Меня ждут дома.

* * *

Подошёл полицейский патрульный, явный тяжеловес:

– Это ваше аэродинамическое крыло? – обратился он к Адельфине. – Предъявите водительские права, а заодно объясните, почему нарушаете Транспортные Правила?

– О чём вы говорите, – возмутилась она, – я ничего не нарушаю, просто стою и смотрю на статую. Нельзя, что ли?

– Во-первых, – начал полицейский. – Здесь не место для стоянки любого транспорта, тем более для аэродинамического крыла. Во-вторых, я видел, как вы, леди, сошли вместе с личным транспортом с ленты эскалатора. У вас есть специальное разрешение для его транспортировки таким образом? Судя по всему, нет. Иначе бы ваше крыло было специальным способом упаковано или зачехлено.

– Но я ничего не знала об этом, – пролепетала Адельфина, внутренне холодея от страха, что её могут упечь в тюрьму.

– В-третьих, вы уже препираетесь и оказываете сопротивление властям. Я имею право задержать вас или оштрафовать. Ну, так как? – и страж уставился на девушку, сверля холодным и суровым взглядом.

Адельфина оглянулась. Служителя храма как ветром сдуло. Она заметила невдалеке стеклянное невысокое здание кафе, из которого вышла большая группа парней в униформе спасателей. Они, не раздумывая, направились в сторону Адельфины и полицейского.

Тем временем страж продолжал:

– Ну, что? Так и будем молчать? Где ваши документы? Я жду.

– Что? Документы? – переспросила Адельфина.

После слова «документы» на багажнике аэродинамического крыла замелькали лампочки, и «Дружок» пропел:

– Ключевые слова: «документы» – удостоверение личности и водительские права. Они находятся в левом отсеке багажника в отделении под номером «001». Сегодня чудесный день, не так ли?

– Да-да, Дружок, сегодня чудесный день. Дай-ка я достану документы.

Она быстро открыла багажник, нашла отделение с нужным номером. Документы, о существовании которых путешественница до сих пор и не подозревала, находились именно здесь. Девушка взяла их, просмотрела и затем протянула полицейскому.

Он долго их изучал, сличая портрет на документах и лицо Адельфины. Затем проверял подлинность печатей, подписей и специальной бумаги с помощью каких-то приборов, находившихся в сумке на боку у него. Потом спросил:

– Вы действительно леди Адельфина Арон?

– Да, она действительно леди Адельфина Арон, – сказал незнакомый голос позади девушки.

Адельфина обернулась к говорящему; чья-нибудь реальная помощь от бывшего человека не помешала бы сейчас. Лицо молодого человека не было ей знакомо, однако по форме спасателей она догадалась, что эта команда разыскивает её по просьбе отца.

– Вас отец послал за мной? – спросила она у него.

– Одну минуту, леди Адельфина, только утрясём формальности.

Молодой человек протянул служебное удостоверение и жетон спасателя полицейскому.

– Эта девочка несколько часов назад попала в прибрежный шторм на этом крыле и потерялась. Мы её как раз и разыскиваем по приказу сэра Велизара Арона.

– Вот как! Ну, если вы подтверждаете личность этой леди, я снимаю штрафные претензии. Поймите, у меня тоже служба, – полицейский подчёркнуто вежливо откланялся Адель-

фине и молодому спасателю. Взял под козырёк. – Я передаю все соответствующие полномочия и более вас, леди, не задерживаю.

И полицейский, одёрнув форму, приосанился и гордо удалился. Адельфина виновато улыbnулась спасителю:

– Простите, что доставила вашей службе столько беспокойства. Я просто не слышала утром сводку погоды. День обещал быть таким чудесным и безоблачным. Я слишком самонадеянна, сэр.

– Не стоит огорчаться, леди Адельфина. Это наша работа. Кроме того, самая главная новость – «теперь всё в порядке», верно?

– Почти верно, потому что теперь я опаздываю подготовиться к выходу на церемонию. Сегодня день Выпускников.

– Что ж, не волнуйтесь, леди Адельфина Арон, наша команда сейчас вызовет вертолёт и миглом доставит вас домой. Не печальтесь, уважаемая леди! Сегодня действительно чудесный день! – и он подмигнул всей команде спасателей. – Мы очень счастливы оказать вам, леди Арон, эту маленькую любезность и спасти такую красивую девушку.

* * *

Вскоре Адельфина вместе с командой спасателей направлялась к дому семейства Арон, сидя в уютном салоне для пострадавших и спасённых. Вертолёт прибавил обороты, набрал высоту и заложил широкую дугу над заливом Белая Раковина.

Летательный аппарат приземлился прямо на крыше небоскрёба над резиденцией самого сэра Велизара Арона – правой руки президента Атлантиды, леди Гаафы Олдамы, крутой и властной женщины с тяжёлым и вздорным характером. «Железная леди», как её звали за глаза соратники по политическим баталиям, была весьма вспыльчивой особой, но, к счастью, отходчивой. Её политические ходы зачастую зависели от импульса настроения. Сейчас «железная леди» находилась очень кстати в отъезде, самолично проверяла восточную крепость «Аквадос». Что оказалось на руку её заместителю, сэру Велизару Арону в такой щекотливой ситуации, как пропажа и поиск его младшей дочери Адельфины. Леди Гаафа не простила бы такой оплошности своему заместителю ни за что, особенно накануне предстоящей предвыборной кампании для правящей группировки Атлантиды. К счастью, вероятный выговор уже не грозил ему.

Сэр Велизар принял Адельфину прямо «из рук в руки» у командира спасотряда. Он горячо поблагодарил каждого члена экспедиции и каждому лично пожал руку, вручил наградные значки и конверты с премией. Затем он отвёл в сторону командира и, доверительно глядя в глаза, сказал:

– Надеюсь, вся эта история останется между нашими службами? Она не для обсуждения, а тем более не для любопытной прессы. Не за горами предвыборная кампания!

– Можете не сомневаться, сэр Велизар. Спасатели чтут кодекс чести.

– Искренне рад этому, дорогой Стратоник! У меня есть личная просьба, если вы не против. Не будете ли так любезны, коллега, не оповещать моего дражайшего шефа леди Гаафу Олдаму? Я бы не хотел причинять впечатлительной женщине дополнительное беспокойство.

– О-о! О чём речь, сэр Велизар, мы ведь с вами давние друзья. Как можно? Будьте спокойны и уверены, моя команда не проболтается. Они славные ребята.

– Конечно-конечно. Именно поэтому я приглашаю вас и всю вашу команду с семьями прийти на церемонию и вечер Выпускников Гелиополя. Своим присутствием вы окажете лично мне и моей фамилии большую честь. Мы будем рады вас видеть, сэр Стратоник.

– Спасибо, сэр Велизар, мы обязательно воспользуемся столь любезным приглашением. До вечера, сэр Велизар. Сегодня чудесный день!

– Договорились, уважаемый Стратоник, сегодня чудесный день, – ответил он, увлекая за собой дочь в апартаменты его великолепной служебной резиденции на последнем сто сорок шестом этаже правительственного небоскрёба.

* * *

Адельфина в первый раз оказалась на рабочем месте отца. Девушку удивляло всё: и необычайная роскошь офиса, и объёмная мягкая мебель скучной расцветки без вычурностей и инкрустации, и скромные, но элегантные формы люстр и потолков, и миниатюрный сад-оранжерея. Адельфина вбежала туда и стала разглядывать аккуратно посаженные и ухоженные заботливой рукой растения. Как всё это не похоже на дикую природу настоящего реального леса, который она видела сегодня! Даже запах далеко не тот. Всё маленькое и игрушечное – иллюзия леса, да и только! Самообман! Неужели её серьёзный хороший папа верит, что это и есть лес? Малюсенькие карликовые пальмочки с игрушечными плодами, подстриженные кустики пряных растений, источающие исчезающе слабый аромат, и рядом хлипкое подобие лесного гиганта. Как это подобие леса странно и мало! Вот большие ярко-красные декоративные цветы совсем без запаха. Они, конечно, бросаются в глаза посетителю, но... чего-то не хватает. Есть в этом искусственном оазисе и пение райских птичек, и мяуканье пушистых зверьков, посаженных в клетки. Ах, всё-таки в этой оранжерее нет ни жужжания настоячивых насекомых, ни порхания их прозрачных трепетных крылышек, ни шуршания листвы или иных шорохов леса.

Пока девушка бегала между рядами насаждений, кидаясь из стороны в сторону, от одних кустиков и цветов к другим, сэр Велизар величественно улыбался в пушистые рыжие усы, с любовью следя за младшей любимицей. Младшая дочь была особой его заботой и надеждой на будущее. Он баловал её пуще старших детей, за что получал выговор и от матери, и от жены, да и от самого себя порой. Но ничего не мог с этим поделать, каждый раз прощая шалунье практически любую проделку. Вот и сейчас он за минуту до посадки вертолёта дал мысленное обещание пожурить дочь. Но все слова как будто вылетели из головы, как только милое дитя ступило на посадочную площадку его резиденции. Он несколько секунд мучительно внутренне боролся за приоритет своего патриаршего положения, уговаривая себя стать на позицию жёсткой силы. Однако внешне это было больше похоже на робость и нерешительность застенчивого человека, который впервые увидел большую плюшевую панду.

– Папа, как тут интересно, лес в миниатюре словно кукольный! – щебетала залётная птица. – Здесь не хватает шмелей и пчёл или бабочек!

Адельфина потянула Велизара за рукав к большому ярко-красному цветку:

– Смотри, папа, – он такой огромный, а не пахнет. Почему?

Велизар глупо улыбался, пожимал плечами и переступал с ноги на ногу как медведь барибал.

– Папа, давай, мы ничего не скажем маме, хорошо? Я ведь нашлась, а? Зачем её волновать, ты согласен? Я, честное слово, больше не буду так рисковать. Понимаешь, я утром забыла послушать сводку погоды, поэтому попала в шторм. Но мне ни капельки не было страшно. Правда-правда, может быть, чуть-чуть. Зато я теперь знаю, как выглядит настоящий лес.

– Ты была в диком лесу? О-о!!! Совсем одна? Моя девочка! О, Великое Двуетиначалие!

– Да нет, папа, не одна. Пока я отдыхала под аэродинамическим крылом, появился один охотник, Каллист из Агры. Он и проводил меня через лес наикратчайшей тропкой до бегущей дорожки в город. На траволаторе я доехала до центра Гелиополя и видела статую Двуетиначалия Всего на Площади Двух Солнц.

– О-о, возмутительно! Моя дочь была в Нижнем Городе без сопровождения? Моя девочка! Чего ты натерпелась!

– Да что ты, пап! Всё было просто чудесно! Нижний Город мне показался таким интересным и красивым. Люди добрые и вежливые. Даже полицейский патрульный оказался крайне вежливым человеком. Когда я предъявила документы и права на аэродинамическое крыло, так он даже не сразу поверил, что я Адельфина Арон. Твои спасатели меня узнали и подтвердили. Хорошие парни, весёлые! Они мне очень понравились, особенно их командир. Как его зовут, кажется... мгм-м?

– Сэр Стратоник, моя девочка. Это хороший человек и мой давний знакомый. Только надо помнить, что следует соблюдать политическую дистанцию между нашим кругом и людьми нижнего ранга. Этого требует этикет нашего общества, Адельфина.

– Я всё хорошо помню, папа. Мне просто интересны все люди, я ведь должна их знать, иначе я не смогу быть таким же хорошим политиком, как ты или бабушка, или мама.

Она залезла на подлокотник широкого кресла, в котором сидел сэр Велизар, хватаясь за сердце, и крепко обняла отца. Она взъерошила его кучерявые волосы, скрутила из них «рожки» и «ушки»:

– Пап, теперь ты у меня настоящий лесной медведь барибал.

– Сэр Велизар, – заглянул секретарь. – Леди Флоренция на связи из Аквадоса.

– Интересно, что она там забыла? – поморщился он.

– Сэр, леди Флоренция Арон официально сопровождает вашего шефа леди Гаафу Олдаму.

– Хм, вот как? От какого ведомства на этот раз? Я не в курсе. Извини, дочка, хочешь поговорить с мамой?

– Конечно, папуля, – Адельфина радостно подпрыгнула. – Я как-то ни разу не говорила с мамой из твоего офиса.

И она козочкой поскакала в зал связи за секретарём, мимо удивлённой охраны и служителей папиного офиса, перепрыгивая через ступеньки. В зале связи вспыхнул экран, и мамино лицо заняло всю стену. Она была просто царственна в строгом наряде и с высокой сложной причёской согласно официальной моде.

– Сегодня чудесный день, сэр Велизар, – сказала мама, светски улыбаясь во весь экран. Тут она увидела Адельфину. – Чудесный день, Адельфина! Почему ты не готовишься к вечеру Выпускников? Платье готово? Боже, что за дикий вид?! О Двоединоначалие!

– Но, мамочка, я успею, времени много.

– А причёска? Дочка, немедленно поторопись заняться собой. И прошу тебя, оставь нас с папой наедине. У нас дела государственной важности.

Адельфина нахмурилась и искоса взглянула на отца. Сэр Велизар развёл руками, но, отвернувшись от экрана, подмигнул ей озорно.

– Ладно уж, решайте государственные дела, – вздохнула озорница. – Так и быть, я удаляюсь. Чудесный день, мамочка!

– Вы зря перемигиваетесь, – проворчала мама со стены. – Я всё вижу.

– Какая ты у нас с папой дальнозоркая, – воскликнула Адельфина.

На эту реплику рассмеялись даже вышколенные секретари и присутствующие сотрудники офиса. Адельфина беззаботно проскакала до двери и, пританцовывая, помахала строгой настенной маме и натуральному папе, скрываясь за предупредительно открытой высокой дубовой дверью.

* * *

После нескольких нетерпеливых минут в служебном лифте с двумя охранниками Адельфина наконец попала домой.

– О-о! Деточка моя! – возопила не своим голосом Перегрин, обнимая путешественницу и утирая непрошенную слезу. – Слава Двуетиначалию! С тобой всё в порядке?

– Да-да, не волнуйся, няня. Я немножко попала в шторм, но мне ни капельки не было страшно, – нараспев протянула озорница. – А потом, потом... – нимфа закрыла мечтательно глаза, широко их распахнула и горячо зашептала няне на ушко:

– Скажи, что никому ничего не расскажешь. У меня появилась одна тайна. Знаешь, няня, я после шторма приземлилась на большом плато во-он на тех скалах.

Она подбежала к окну и нажала кнопку на маленькой чёрной коробочке. Защитная плёнка запарусила, открывая оконный проём.

– Видишь, вон там, на горизонте начинается гряда наикрутейших и наиопаснейших скал в нашем заливе.

– Ай-ай, – закачала головой толстая няня Перегрин.

Они присели прямо на пол, устланный пушистым ковром из леопардовой шкуры.

– Няня, там я познакомилась с очень приятным молодым человеком. Его зовут... О, у него чудесное имя, и он из благородной семьи охотников. Да-да. Я думаю, у него кровь нашего сословия. А зовут его...

Но и в этот раз няне не удалось услышать имя незнакомца. В покои вошла массажистка с корзиной «волшебных» мазей, а за ней домашний эскулап. Адельфина несколько поморщилась:

– Ах, да. Я уже и забыла про это. Ну, хорошо, позже, дорогая няня. Мне пора готовиться к вечеру Выпускников. А выходное платье готово?

– Конечно, крошка. Это мой последний шедевр компьютерного дизайна после долгих творческих мучений. Однако, если ты, детка, не захочешь воспользоваться им, то есть и запасной вариант.

– Отлично, – запела Адельфина, пока няня её раздевала перед горячей ванной, наполненной ароматным составом из трав базилика, олеандра и дикой розы. Эскулап присел на пуфик, пристроил кучу электродов на теле пациентки и стал щёлкать разными кнопками на докторском приборе, критически осматривая подопечную. Потом глубоко вздохнул и назидательно произнес:

– Дорогая... ммм... леди Адельфина! Вы сегодня вероятно испытали большое потрясение, о чём свидетельствует недопустимо большое количество адреналина в крови. Кроме того, – продолжал он скрипучим голосом, – ваше давление несколько выше нормы, а процессы в коре головного мозга близки к торможению, что совсем недопустимо перед сегодняшним вечером. Исходя из вышеизложенного...

– Хм, милый Царгус, надо говорить «исходя из ранее изложенного», так нам сказали на уроке по искусству ораторства, – вставила Адельфина, хитро шурясь.

– Ммм... так на чём я остановился? Угу, неважно. Короче, я прописываю вам сорокапятиминутный электросон. Вот. Можно после ванны и процедуру лечебного массажа.

– Но я не хочу спать, – запротестовала пациентка.

– Видите ли, о милое создание, электросон – есть всего лишь...

– Знаю-знаю, что ты мне скажешь: «Электросон – есть всего лишь малая составляющая твоего терапевтического режима, которую я должен прописать согласно Конвенции Здоровья Атлантиды. Последняя версия Конвенции была принята к исполнению и подписана моей персонопочтенной глубокоуважаемой бабулей, эскулапом в третьем поколении, и является хорошей разгрузкой для нервной системы подрастающего организма». Так?

– Так-так. Вот видите, малышка, вы и сами всё прекрасно понимаете.

– Не понимаю и не хочу понимать! Однако только ради тебя, Царгус, я согласна. Сорок пять минут и ни секундой дольше!

Она величественно и грациозно залезла в ванну:

– Царгус, подойди поближе, я тебе кое-что скажу.

Эскулап послушно подошёл к этому мраморному сооружению и наклонил голову над бордюром. Адельфина только и ждала этого момента, резко выпрыгивая из воды, она окатила Царгуса ароматной пеной и забрызгала его белоснежный халат и смешную шапочку.

– Кошечка в аквариуме, – проворчал эскулап Царгус, усмехаясь в усы.

– Вот я тебя сейчас выпорю, несносная девчонка!

– Если догонишь, – со смехом воскликнула русалка. Она скрылась под водой и показала эскулапу розовые пятки, уходя вглубь.

– Ничего, я тебе задам во сне сложный урок по законам Двуетиначалия, будешь знать!

– Царгус, миленький, я больше не буду. Честное слово! Давай без урока, а? В такой день, ладно?

– Многоуважаемый Царгус, – вмешалась Перегринна, хитро улыбаясь.

– Может, обойдётся и вправду без уроков? Дитя и так уморилось. А я тебя пирожочками горяченькими покормлю, пойдём на кухню.

– Взятку не беру, – эскулап выпятил грудь и гордо посмотрел на экономку. – А с чем пирожки?

– Пошли, пошли, твои любимые: с уткой-кряквой и ананасовым соусом, – она ловко увела его из покоев любимицы.

Жемчужная ванна, настои трав и массаж сотворили чудо. Усталости как не бывало. Ощущение лёгкости в теле, умиротворения и радости в душе наполнили Адельфину. Она замурлыкала одной ей известную мелодию ни о чём. Массажистка закутала дорогую во всех смыслах клиентку в пушистую меховую накидку из белого полярного медведя. Уютное глубокое кресло для электросна услужливо подкатилось к пациентке, мигая зелёным огоньком светодиода на шлеме.

– А где же наш целитель? – спросила она и в нерешительности поиграла педалькой кресла, касаясь её босой ножкой.

– Я здесь, моя дорогая повелительница, – откликнулся Царгус, вбегая и дожевывая на ходу что-то за щекой, видимо пирожок. – Я здесь, моё солнце и главное светило на сегодняшний вечер. Вы у меня сегодня, леди, единственная пациентка и предмет неусыпной заботы. Не так ли?

– Вот-вот, именно неусыпной, потому что я вполне отдохнула и более не желаю усыпляться.

– Ладно, ладно, детка. Я согласен с вами, но только в одном вопросе – не будем брать тот урок, который вы не хотите сейчас. Я предлагаю... ммм... небольшой сюжет по вечернему этикету. Это лучше?

– Пожалуй, – смиловилась Адельфина. Она уселась в кресло и терпеливо протянула руки и ноги для закрепления электродов. – Только тридцать минут, не более.

– Договорились, всего сорок минут и ни минутой более, красавица.

Девушка расслаблено махнула рукой:

– Хорошо, я согласна.

– О, моя леди, не так энергично жестикулируйте, оторвёте все контакты. Так-то лучше. Вам удобно и тепло? Угу, чудненько. Ну и баиньки.

Эскулап включил таймер, вставил кассету с уроком этики в прорезь и опустил забрало на шлеме. Когда он уходил из зала, его подопечная уже мирно посапывала по-детски точёным носиком, сладко-розовая во сне.

Глава 4

Велизар, отец Адельфины

*«Посади собаку на царство —
она всё равно будет грызть обувь».*

Древнеиндийский афоризм

Сэр Велизар Арон был достойным отцом своей младшей дочери Адельфины, которая, скорее всего, унаследовала не только характер, но и многие привычки папашы. Он не был упрямым и строптивым, каковым считали его некоторые домашние и подчинённые. Однако настойчивость имел отменную. Жёсткая воля к победе отца семейства в любой ситуации была настолько негибка, что послужила поводом к тому, что некоторые, а может, уже и многие, стали за глаза называть его «упрямым ушастым осликом» или коротко «нашим ушастым».

Род сэра Велизара Арона происходил от старинного уважаемого рода Аронов, известного всей Атлантиде как «борцов за справедливость и свободу граждан для жителей – выходцев из Старой Атлантиды». Что такое «справедливость» и «свобода» для свободных граждан Атлантиды?

Сформулировать достойный и всеобъемлющий ответ на этот каверзный вопрос вряд ли кто-либо смог бы из представителей этого древнейшего рода. Тем не менее, так уж повелось у простых жителей Атлантиды считать Аронов борцами за справедливость и свободу. Однако достоверная мысль насчёт пользы – это как сказать, а вреда от них точно уж пока не наблюдалось ни разу. И это было хорошо, и это было славно. Слава Великому Двуетиначалию!

Мать сэра Велизара, леди Изольда Арон (по-старинному «Аарон») – сильная статная женщина, широкая в кости, ещё не пожилая по атлантическим меркам, но в годах, – продолжала уверенно занимать высокий пост и укреплять позиции в Сенате. Она тоже активно боролась за права и справедливость в таком-то и таком-то вопросе. Темы необходимых и разбираемых в Сенате «справедливых» вопросов менялись часто или не очень, иногда к праздникам, особенно к Новому Году, но обязательно тогда, когда приходила пора очередных выборов или перевыборов, а также в тот момент, когда в прессе снижался рейтинг тех или иных сенаторов.

* * *

Родовое поместье и фамильный замок Аронов находились на северо-западном побережье Атлантиды. Северная граница их богатых владений приходилась прямо на береговую линию Атлантического океана. Другие три стороны света от внешнего мира и любопытных взоров защищала высоченная крепостная стена, искусно сложенная из местного белого камня. Стена поднималась в некоторых местах на двадцать, а то и двадцать пять метров. Сей белокаменный кремль с золочёными куполами храмов Двуетиначалия обрамляла пышная зеленокудрая природа. Первозданные смешанные леса из толстоствольного кедра, длинноиглых сосен и раскидистых дубов ни разу не нарушал стук топора или визг пил. Егеря же спиливали сухостой и убирали хворост и прочий сушняк только по мере крайней необходимости, сохраняя по возможности богатство биоценоза как можно более полным для будущих поколений семейства Аронов.

Во владениях Аронов время от времени, чаще по праздникам, сидя за столом и чаркой медового эля, старики вспоминали старинные легенды с участием зрителей за обширными торфяниками и непроходимыми болотами с метановыми испарениями. Знатные выходили из их уст истории, одна другой таинственнее и чуднее. Сказители на ходу сочиняли «былины» и

«страшилки», дабы вразумить отроков и отроковиц не заходить далеко за грибами и ягодами без взрослых. Да разве молодую прыть удержишь, когда кровь играет словно молодое вино!

Сенокосные заливные луга с пахучей травой кормили стада зубров и маралов. Полноводные реки и мелководные ручьи пересекали земли Аронов с юга на север, даря практически доброй трети Атлантиды хороший рыбный улов. Голубые озёра с прозрачно-хрустальной водой и зелёные, заросшие кувшинками пруды радовали глаза стражников, оглядывающих окрестности в бинокль, когда они заступали на дежурство в высоченных, причудливой формы сторожевых башнях. Почти всё семейство Арон: бабушки, дедушки, многочисленные тёти и дяди, племянники и племянницы со всей своей челядью жили тихой деревенской жизнью за стенами белокаменного замка Аронов. Исключение составляла лишь небольшая часть семейства, которая «вынуждена» была заниматься политикой государства, дабы... Дабы вся Атлантида и фамилия Аронов могла процветать и дальше.

* * *

Леди Изольда Арон, бывая в хорошем сентиментальном настроении, навещала супруга-земледельца, а точнее землевладельца в родовом поместье не реже одного, но и не чаще двух раз в месяц. Сэр Станимир Арон или Арон-старший, родной дедушка Адельфины и её двух старших сестриц Актинии и Лидии и многочисленных двоюродных братьев и сестёр – сыновей и дочек её дядюшек и тётушек, с которыми Адельфина виделась однажды мельком, но не помнит, когда именно – предпочитал оставаться в поместье и управлял им довольно хорошо.

Дедушка сэр Станимир предпочитал спокойную деревенскую жизнь с неспешным распорядком дня. Его будильник «кукарекал» звонко и радостно, неизменно в одно и то же время суток – в три утра, если дедушке не спалось, и в шесть утра, если сон снисходил на доброго труженика деревни, и он не слышал ранней побудки. Дедушка поднимался с постели, надевал поверх льняной пижамы длинный мягкий тёплый халат и неторопливо выходил во внутренний двор на птичник. В курятнике его встречал огромный матёрый красно-рыжий петух с гордым взглядом и орлиными повадками. Длинный сине-зелёный хвост топорщился веером. Величавая поступь с лапы на лапу должна была показывать всему куриному племени «кто в доме хозяин». Он словно говорил: «Вот видите, видите, мои подданные, сам хозяин замка приходит ко мне с докладом каждое утро. Утро наступило! Ура! Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку! Доброе утро, хозяин. Утро наступило! Утро, Арон-старший, пора будить всех. Что-то ты сегодня разоспался. Солнце и Немезида давно взошли! Пора в поле! Пора на работу! Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку!».

Дедушка сэр Станимир подсыпал свежий корм вперемишку с укропом и перьями лука куриному племени. Снисходительно наблюдал за толкотнёй питомцев и их утренним кудахтаньем. Куры деловито что-то выискивали в насыпанной куче. Квочки забирались прямо в корыто, разгребали лапами отборное пшеничное зерно и, близоруко присмотревшись к еде, начинали клевать нехитрый завтрак. Красно-рыжий петух осанисто расхаживал вокруг, блюдя порядок. Если возникала необходимость, начальник курятника незамедлительно вмешивался в разборки подросших цыплят, которые порой насакивали друг на друга как боксёры на ринге. «Что поделать?» – думал Станимир Арон, – «раз решился завести бойцовскую породу петухов, надо тренировать их». Бойцовых петухов народ по деревням Атлантиды баловал очень. Да и в замке Аронов челядь частенько развлекалась петушиными боями. Ставки и «болезнь за своих» подогревали страсти атлантов не хуже, чем спортивные боксёрские матчи.

Затем дедушка Станимир проверял на полках в сене, много ли куры снесли за ночь яиц, и собирал тёплые белые и кремовые яйца в старую корзину, которая стояла в углу сарая, заботливо приготовленная им с вечера. Когда большая плетёная корзина наполнялась доверху, дедушка накрывал её плотно крышкой и удовлетворённо покидал курятник, направляясь на кухню.

Бабушка леди Изольда Арон, относительно регулярно навещавшая супруга в имении, в такие утренние часы ожидала супруга на кухне в преддверии свежего омлета, который дедушка Станимир отменно готовил. Пока кухарка заваривала чай из целебных окрестных трав и накрывала на стол к завтраку, дедушка Станимир спешил похвастаться полной корзиной свежих яиц от пернатых любимцев. Бабушка Изольда таинственно улыбалась в ответ, хитро шурилась и поддакивала кухаркиным дифирамбам в адрес дедушки и его образцово-показательного курятника. Леди Изольда Арон была далека от куриных дел супруга и её как всегда волновал исключительно лишь «курятник» в Сенате. О чём она, впрочем, помалкивала ради триумфа семейной идиллии. Выходные дни пройдут в фамильном замке Аронов в тишине на природе, где можно вволю отоспаться, и она с головой опять окунётся в глобальные задачи по благоустройству родной Атлантиды. Это ли не мечта для сенатора со стажем!?

* * *

Сегодня сэр Велизар был уверен в себе как никогда. Символический день наступил. Ещё бы! Сегодня вечером должен состояться приём в честь выпускников Школы Второй Ступени, среди которых и его любимица – младшая дочь, не просто Адельфина, а леди Адельфина Арон. Последние десять – пятнадцать лет он всё собирался взяться наконец-то за воспитание детей или хотя бы младшенькой девочки. Казалось, только вчера он рассказывал ей долгими зимними вечерами поучительные сказки и истории, а по редким выходным дням помогал решать трудные задачки по геометрии. Выросла младшая дочка и превратилась в леди. О том, что выросли и давным-давно стали самостоятельными две старшие дочери Актиния и Лидия, сэр Велизар сейчас и не вспоминал. За них он оставался целиком и полностью спокоен: обе нашли занятие далёкое от парламентских игр и были счастливы. Быстро дети растут. Он и не заметил, как это произошло.

Возможно, к началу знаменательного торжества в городе успеет прилететь и его величаявая супруга леди Флоренция Арон – мать Адельфины. Возможно. Если оторвёт свои пышные бёдра от сенаторского кресла. Однако прибытие дражайшей половины мало заботило сейчас сэра Велизара, гораздо сильнее беспокоили совсем другие мысли. Эта тема волновала его несколько месяцев. Хотя, пожалуй, он вряд ли мог облечь невысказанную тревогу во что-то вразумительное и оформившееся, и причин тому было несколько. Если же анализировать – к чему сэр Велизар никогда не был склонен – то всё началось с той странной смутной истории, в которую он попал абсолютно нечаянно... Той весной, когда ему по долгу службы пришлось побывать на Восточном Побережье Атлантиды в местечке Аквадос, недалеко от одноимённой крепости «Аквадос».

* * *

Именно той весной сэра Велизара беспокоил, по-видимому, возрастной кризис. Ему хотелось перемен. Нет, не государственных! Обычно уравновешенный, покладистый мужчина, он был далёк от глобальных мыслей за судьбу Атлантиды. Внутри него кипел и бурлил котёл иных страстей. Он плохо слушал официальных докладчиков, ибо на всех заседаниях витал где-то там, в заоблачных высях. Романтические видения приглашали сэра Велизара за горизонт желаний, и жажда приключений терзала его душу. Предвечерние часы перед ужином нечаянный романтик часто проводил на берегу океана и смотрел на бурлящую стихию. Он слушал сладостно шумящую музыку океанского прибоя.

Низкий убаюкивающий тембр набегающих волн умирал страсти, навевал блаженно-радостное спокойствие и давал безграничную силу воли. Волна поднимала кучерявую шапку пены на осанистой гордой шее гребня и гоголем плыла к берегу. Апофеозом грациозной

симфонии был плеск воды, разбивающейся о прибрежные подводные камни. Искрящийся в лучах заката фонтан мелких брызг и водяной пыли кодой завершал арию из оперы морских пучин. Оперы океана разнились по стилю и звучанию. Каждый вечер на берегу близ крепости «Аквадос» можно было видеть красивого мужчину, который приходил к океану и подолгу смотрел вдаль. Он где-то читал, что энергия моря способствует возвышенным размышлениям человека. Сэр Велизар с упоением слушал морскую музыку, вбирая великую энергию прибоя, и размышлял. Когда море клокочущих мыслей успокаивало морщинистую рябь, и их течение становилось величественным и спокойным, он покидал берег, уходил в крепость, одухотворённый и полный надежд.

Однажды днём, после утомительных многочасовых ревизий в местном управлении сэр Велизар Арон решил выбраться на природу и побродить по живописным здешним окрестностям, подышать свежим прибрежным океанским воздухом в сочетании с запахом весеннего разнотравья. Как утверждает его домашний эскулап Царгус, отрицательно заряженные аэроионы снимают переутомление. Он шёл по узкой извилистой тропинке, вдыхая приятный аромат молодых, распускающихся на деревьях и кустах почек, только-только выбросивших нежно-зелёные клейкие листочки. Стоял полдень двойного весеннего равноденствия двух светил Атлантиды.

Восточное жёлтое солнце и северное голубое солнце – светила двойной звёздной системы – приятно припекали на бугорочках и полянках. Природа просыпалась. Рафинированный горожанин с интересом наблюдал таинство рождения Весны и ренессанса флоры и фауны.

Из маленьких неприметных суглинистых норок выползали сонные насекомые. Они расправляли нежные прозрачные крылышки, подставляя их всему солнечному спектру от инфракрасного тепла до мягкого ультрафиолетового рентгена, под действием их лучей крылышки обретали жёсткость, необходимую для полёта. Жучки и козявки спешили погреться и набраться свежих сил для предстоящего трудового летнего сезона. Молодая жёлто-зелёная поросль тянулась к свету, жадно впитывая ультрафиолет, торопилась запастись зелёной энергией хлорофилла. Под ногами человека шуршала прошлогодняя, давно пожелтевшая сухая листва. Он всё шёл и шёл, думая о чём-то философски неуловимом. Непонятно каким образом, его мысли отвлекались на созерцание лесного пейзажа, на копошащихся в листве мелких пушистых непуганых зверьков, разнокалиберных грызунов. Из-под шуршащей листвы проглядывали тонкие невысокие стебли новой травы, настойчиво заявляющие о приходе тепла и новой жизни. Рядом с бледно-изумрудными ростками пырея ползучего распустились низкорослые ярко-синие крокусы-водосборы. Голубое и жёлтое сияние солнц обласкало трёхлистные сочно-фиолетовые фиалки с исчезающе тонким изысканно-сладким ароматом ранней весны. Шафранные первоцветы раскручивали барашки соцветий, поворачиваясь вслед за солнечным светом.

Тропинка неожиданно свернула вправо и вскоре превратилась в утоптанную грунтовую дорожку. Ноги сэра Велизара несли его по ней как бы сами по себе. Несколько минут ходьбы, и вдали показалось уютное крестьянское селение с высокими деревянными и аккуратно сложенными из брёвен избами. Каждый дом был тщательно обнесён нехитрым деревянным забором – какой из хвороста, какой из струганных остроконечных досок. За заборами виднелись ухоженные фруктовые сады, где хозяева жгли костры из прошлогодней пожухлой листвы, подбеливали деревья и подстригали ненужные ветки. Бело-розовым цветом цвели груши-авокадо, кудрявые медовые яблони и одомашненный борнеол. Нежные пятипалые лепестки трепетали в порывах весеннего зефира и привлекали множество медоносных пчёл и ос, которые тучами роились над ними, собирая нектар. Весенние работы кипели в полном разгаре. Запах палёных листьев ударил в ноздри и защекотал обоняние. Сэр Велизар остановился напротив одного опрятного двора и залюбовался удивительно слаженными движениями трёх крепких девушек, помогавших, очевидно, отцу, трудившемуся поодаль. Девичьи руки проделывали плавные лебединые

движения, словно танцевали вальс в ритме весны. Всё кругом пело и пахло пробуждающейся природой и вешним трудовым азартом.

Сэр Велизар Арон восхищался нехитрым укладом деревенской жизни, и ему вдруг нестерпимо захотелось бросить ненавистную городскую сумятицу сенаторских дел, переехать в эту уютную деревню и жить так же, не мудрствуя лукаво и безмятежно, как это делают простые деревенские жители. Философствуя, он не заметил, что разошлись в небе оба светила по разным небесным путям, и что от деревьев раздвоились и удлинились тени, и что давно подошло время обедать, а он всё стоял и грезил, и наслаждался придуманными видениями мечты о тихой спокойной неприметной деревенской жизни. Около уха зазвенел огромный комар и, заходя в бреющем полёте вокруг носа, вредное насекомое прицелилось и впилося в левую щеку. Сэр Велизар почувствовал боль и резко хлопнул себя по щеке. Грёзы сэра Велизара вмиг улетучились. Он брезгливо отбросил комара в сторону, невольно почесал место укуса и зашагал прочь.

* * *

На этом бы месте столь незначительное деревенское приключение заезжего сенатора могло бы и закончиться, если бы не случился вслед за тем абсолютно анекдотический казус. К обеду у сэра Велизара место укуса расплылось на щеке ярким красным пятном и припухло. В течение времени, прошедшего после обеда до ужина, оно не только чесалось, но и воспалилось так, что пришлось обратиться к местному эскулапу. Старый вояка и полевой хирург, служивший теперь главным эскулапом в госпитале стратегической крепости «Аквадос», невозмутимо осмотрел сэра Велизара и не без чувства юмора от души густо намазал его какой-то чудодейственной мазью с характерным зловонным запахом тухлой рыбы. Поверх мази специалист-целитель приклеил широкий пластырь крест-накрест и отправил пациента на ужин, повелев хорошо и плотно поесть.

Какой там хорошо, хоть бы просто поесть при таком жутком запахе этой чудодейственной дрян... мази! Ужин запланирован был не простым, а официальным с соответствующими высокопоставленными персонами из Сената Атлантиды во главе с «нашим ушастым», сэром Велизаром, с одной стороны, и удалым командованием восточной крепости «Аквадос» под предводительством прославленного «столетнего символа» – коменданта крепости, сэром Ольгердом – с другой стороны.

Начиналось всё хорошо и заздравно. По приходе означенного в пригласительных билетах часа «икс» хозяева и гости доброжелательно поприветствовали друг друга и расселись за столом согласно атлантическому этикету. Первые тосты за встречу, за взаимопонимание и за здоровье обеих сторон прошли на «ура». Тарелки с холодными блюдами и закусками быстро опустели, подогрев аппетит. После приёма горячительного напитка сэр Велизар согрелся и вспотел. Согрелся и вспотел и его комариный укус под пластырем и начал источать запах... не совсем этикетный. Мерзкое зловоние вскоре достигло носов его коллег, находящихся в лёгком и среднем подпитии. Сидевшие справа и слева от сэра Велизара Арона официальные лица принялись чудаковато принюхиваться к стоявшим перед ними диковинным блюдам. Рецепты, предложенные искусными поварами крепости из зажаренной океанской рыбы с устрицами в белом виноградном вине и приправой из морской зелени, считались заоблачной вершиной изыска гурманов для аристократии Атлантиды.

«Наш ушастый» конечно же заметил непристойный танец обонятельного органа членов ревизионной команды, но хладнокровно выполнял предписания эскулапа, сноровисто орудуя двузубой вилкой и ножом. Сопровождающие его персону официальные лица, куражась, изумлённо поднимали брови вверх, многозначительно переглядывались между собой, энергично гримасничая, и удивлённо пожимали плечами. После чего они деликатно отодвинули рыб-

ное блюдо и ограничились лишь закусками и винами, боясь за непредсказуемые послеобеденные последствия. Хозяева крепости расценили подобный недипломатичный отказ сенаторов от главного блюда официального приёма, «гвоздя программы», как недовольство результатами ревизии крепости «Аквадос», и далее ужин прошел в весьма прохладной политической атмосфере.

Наутро погода была мерзопакостная и сырая. В преддверии весны дул студёный пронизывающий насквозь штормовой ветер. Промозглая сырость пробиралась под одежду, и становилось чувствительно холоднее.

Набежавшие низко висящие тучи вот-вот могли разверзнуться не то дождём, не то снегом, не то градом. Провожая озябших сенаторов в Миртосполис, хозяева распрощались у трапа правительственного вертолёта чрезвычайно холодно и сухо, молчаливо обмениваясь этикетными кивками и не очень крепкими рукопожатиями. Обе высокие договаривающиеся стороны взаимно остались недовольны прошедшим бездушным саммитом. Командование крепости предполагало, что столичные штучки сделают необъективные выводы о проведённой ревизии в крепости «Аквадос». Результатом чего будет скудоумное капитальное урезание финансового «пирога» для всего Морского Флота Атлантиды. «Они там, в столице, не понимают, что крепость „Аквадос“ – есть форпост всей Атлантиды!» – комендант крепости сердито закутался в плащ, подбитый мехом барбиса, и зашагал в родные пенаты. Он решил написать кассационную жалобу в Сенат для проведения повторной ревизии...

Таким образом, главный эскулап крепости оказался невольным виновником всей последующей цепочки исторических событий. О чём практически не подозревали высокопоставленные персоны обеих договаривающихся сторон... кроме, конечно, «нашего ушастого», главы первой ревизионной проверки, сэра Велизара. Да и как тут объяснишь эту совершенно идиотскую случайность с деревенским комаром, которая стала причиной этой смехотворной дипломатической несурезицы? Однако слова из песни не выкинешь. Что было, то было. В том-то и собака зарыта.

* * *

Когда сэр Велизар Арон приехал домой, то не отважился обо всём рассказать супруге леди Флоренции. «Наш ушастый» храбро и уверенно доложил о результатах ревизии на собрании Сената, поэтому леди Флоренция узнала исключительно официальную версию этой поездки. Никто из ближайшего окружения сэра Велизара, да и он сам, не мог даже предполагать, что с повторной ревизией в крепость «Аквадос» могут послать именно леди Флоренцию Арон с её собственной командой официальных лиц. О чём сейчас и думал, и при этом досадливо морщился сэр Велизар Арон, вспоминая эту нелепую деревенскую историю с комаром.

Глава 5

Флоренция, мать Адельфины

«Мы радуемся закату и радуемся восходу, и не думаем о том, что отмеряет ход Солнца».

Древнеиндийский афоризм

Первая красавица государства леди Флоренция Арон, супруга сэра Велизара Арон, не только удачно и выгодно вышла замуж за представителя фамилии Аронов, но и отлично вписалась в соответствующую политическую ветвь, ведомую этим семейством. После нескольких удачных политических многоходовых партий она втиснула в кресло сенатора свои объёмные пышные бёдра, откуда её не так-то просто можно было подвинуть. Политическая акула крепко держала в красных накрашенных коготках политические позиции, не уступая никому даже в малом и даже «нашему ушастому» сэру Велизару.

У неё был довольно жёсткий характер и очень чёткая цель в жизни – власть любыми способами и средствами. Бедный сэр Велизар Арон обнаружил у жены эту черту уже после рождения младшей дочери Адельфины Арон, когда весь уклад жизни давно устоялся и опасно стало что-то менять, не навредив всему семейству и его политической линии. Супруг махнул рукой на все причуды благоверной и решил по возможности не пересекаться с женой в политике и не спорить с ней (О, Великое Двуетьдиноначалие, спаси и помилуй!) на собраниях в Сенате. Что леди Флоренция восприняла как должное и чем пользовалась по мере сил.

Ради политической карьеры леди Флоренция Арон подружилась с президентом леди Гаафой Олдамой, лидером фракции «Белая Медведица», и добилась того, чтобы стать для неё лучшим поверенным лицом. Её самолюбию льстило, когда «железная леди» Гаафа Олдама прибегала к сенатору леди Флоренции Арон в качестве «жилетки», в которую можно поплакаться. Хитроумная бестия выслушивала проблемы высокопоставленной подруги с подлинным драматическим участием, на которое только была способна её театральная натура. Великая актриса, сидящая в ней, чистосердечно сочувствовала, если этого требовал сценарий драмы, и с возмущением критиковала противников леди Гаафы, благо они всё равно не могли слышать её гневные тирады. Она двусмысленно иронизировала по поводу ловких аллюров соперничающей с ними фракции, не забывая следить, чтобы яд этой иронии не выплескивался за край политической чаши «Белой Медведицы». (Так, на всякий случай, мало ли что в жизни бывает!) Леди Флоренция искренне утешала подругу, если очередной возлюбленный леди президента подавал повод к ревности. Она громко охала, если леди Гаафа нуждалась в ярких эмоциях, и умело держала паузу, если, наоборот, её подруга хотела помолчать. Но всегда и везде леди Флоренция старалась обернуть любую ситуацию, естественно, во благо себе любимой. Вот на таком пьедестале и стояло её политическое кредо: дальше, быстрее и выше всех!

Некоторую часть, а это доли процента, бьющей фонтаном энергии леди Флоренция Арон уделяла семье и семейным обязанностям. Супружеский долг, знаете ли? Семье доставалась далеко не львиная доля её свободного времени, чему домочадцы не только не препятствовали, но были неимоверно рады. Модные кутюрье, дорогие салоны красоты, плавательный бассейн, спортивные занятия и женский клуб отважно отнимали оставшееся время. «Слава Двуетьдиноначалию!» – облегчённо вздыхала прислуга, когда домашняя фурия, окутанная шлейфом шёлковых накидок, исчезала в проёме служебного вертолёта, возносясь на очередной пункт длинного списка в ежедневном расписании.

* * *

Геликоптер сел на служебную стоянку на площади Двух Солнц. Статуя Великого Двуетидиноначалия величаво возносилась над мраморно-стеклянными небоскрёбами Гелиополя. Скульптура притягивала взгляд и одновременно подавляла гордыню горожанина умопомрачительной массивностью. Леди Флоренция Арон по трапу сошла на влажные от поливальных машин плиты из дорожного керамопласта. Следом за нею из геликоптера вышла и вся сопровождающая её «королевская рать» из официальных лиц. Этот благотворительный визит леди Гаафа Олдама сочла далеко не первоочередным. «Железная леди» отбыла в столицу по неотложным делам, связанным с финансами для Морского Флота Атлантиды, поэтому леди Флоренция с радостью «правила бал» без подруги.

Делегация прошла к храму Великого Двуетидиноначалия, озираясь вокруг. Двойная тень от Скульптуры легла на правую половину восьмёрочной площади – «Кольцо Немезиды», где был выход из храма. Левую часть площади – «Кольцо Солнца» и парадный вход в храм – заливал солнечный свет обеих звёзд. На мраморных ступенях, на постеленной лиловой ковровой дорожке с изображением двух солнц и отходящими от них лучами её ожидали священнослужители. В расшитых драгоценностями праздничных канареечных накидках, одетых поверх лиловых плащей, они выстроились полукругом под арочными воротами храма, «Вратами Солнца». Отец Менкаухор-ра со скипетром и жезлом в руках и елейной улыбкой на устах с приличествующим достоинством поприветствовал сенатора леди Флоренцию Арон и всю официальную свиту. Он протянул высокопоставленной прихожанке жезл с изображением двух солнц для целования.

Леди Флоренция Арон коснулась двумя пальцами солнечного диска, поцеловала их и приложила ко лбу в знак смирения по церковным обычаям атлантов. По официальному этикету и как глава правительственной делегации она протянула руку для пожатия. Святой отец придержал холёную руку женщины чуть дольше положенного для простого рукопожатия времени. Леди Флоренция Арон невозмутимо держала «официальное лицо». После того как другие официальные лица прошли ту же церемонию, гости и хозяева светского раута вошли через священные «Врата Солнца» в храм Великого Двуетидиноначалия.

Вошедшие оказались на небольшой платформе, имеющей форму восьмёрки. Фигурные решётчатые ограждения, искусно выкованные из голубой стали, охватывали площадку. Рисунок детально воспроизводил древнюю легенду атлантов о первочеловеке на Земле и священном пророчестве и послании далёким потомкам. Тихая мелодия под руководством храмового ди-джея и его электронного микшера наполняла храм. Зал, возведённый в виде амфитеатра, создавал праздничное ощущение торжественности. Гипсовый скульптурный антураж настенных барельефов воспроизводил сложную символику религиозных мифов атлантов. Радиально расходящиеся лестницы-эскалаторы символизировали солнечные лучи.

Далеко внизу на арене сверкала прожекторами двухуровневая «Великая Восьмёрка». Разнесённые по высоте два кольца – два солнца – соединялись винтовыми лестницами с перилами из той же ажурной вязи из голубой стали. Подиум «Великой Восьмёрки» предназначался для большой праздничной службы во славу Великого Двуетидиноначалия. От монументальной архитектуры храма у членов делегации захватило дух. Трепет сопричастности к священным таинствам коснулся сокровенных уголков души каждого человека.

Один взгляд священнослужителя у сенсорного пульта управления, и платформа с людьми поехала вниз к «Великой Восьмёрке». Отец Менкаухор-ра возвышался на кафедре над пультом. Фалды лилового плаща развевались как знамёна, обдуваемые скрытым в полу вентилятором. Духовный атташе подготовился к официальной встрече по полной программе. Физика, химия, биология, акустическая оптика и акустическая голография, психология и социология

– все научные достижения и высокие технологии атлантов регулярно привлекались в арсенал святой мистерии. Тщательная режиссура священных обрядов ритуального спектакля была отрепетирована поминутно, посекундно. Сложная композиция цвета, света и музыки. Лазерные и стробоскопические эффекты. Акусто-голографический стереофильм. Букет запахов ароматических углеводородов из священных курильниц. Всё это вкупе тонко воздействовало на человеческую биохимию, нервную систему и психику.

Звёздный голографический фильм-танец из небесных тел и зодиакальных созвездий блистал под куполом храмового амфитеатра. Люди плыли среди россыпи звёзд и галактик под величественные звуки электронного органа, виртуозно извлекаемые тонкими пальцами незримого маэстро. Печальный реквием первооткрывателям звёздных путей алел пламенем сердечного трепета перед их подвигом. Тихая песнь-баллада мягко вплеталась в древний рисунок поэтической памяти атлантов. Торжественная литургия, посвященная Двойному Весеннему Равноденствию, лучилась энергией жёлтой звезды – Солнца и голубой звезды – Немезиды. Отец Менкаухор-ра зычным басом прочитал молебен Согласия. Светлый гимн во славу Атлантиды завершил службу.

Платформа, совершив головокружительное путешествие по подъемникам «Великой Восьмёрки», символизирующей согласованную орбитальную траекторию двух солнц, поплыла вверх к выходу из храма – к «Вратам Немезиды». За «Вратами Немезиды» люди щурились от дневного света, вновь надевая солнцезащитные очки, за которыми они быстро спрятали влажные росинки в уголках глаз. Отец Менкаухор-ра умел выдавить слезу из горделивых и спесивых прихожан, используя порой недозволенные методы косвенного постгипнотического внушения. После его проповедей граждане прихожане становились мягкими и податливыми, любящими и любезными. Испытанная методика духовного атташе не подвела и сейчас. Люди молчали, пребывая в трансцендентальном состоянии отстранённости.

* * *

Главный священник выдержал положенную паузу для закрепления достигнутого эффекта и жестом пригласил гостей следовать за ним. Боковая лестница, неожиданно возникшая у стоп Скульптуры Двуетноначалия, привела их на уровень третьего этажа в соборный зал, который, впрочем, мало отличался от обычного кафедрального помещения для конференций.

Чашка горячего сакэ с желчью белой эфы на аперитив и экзотический обед из дичи с жареными бутонами и луковицами лилий были немедленно поданы младшими лиловыми братьями на самшитовый стол в тонкой фарфоровой посуде. Официальные представители с опаской проглотили сакэ с примесью, однако тепло разливалось по телу и приятно согревало после холодных и голодных сумерек в стенах храма. Вместе с теплом пришло и ощущение доверия, так терпеливо ожидаемое отцом Менкаухором-ра. Официальный приём перешёл в фазу доверительного диалога высоких договаривающихся сторон. Храмовники многого и не требовали, всего лишь несколько мест в Сенате Атлантиды от священного синода, да и всего-то. Казалось бы, мелочь? Главное для отца Менкаухора-ра – это не получить прямого отказа. Полуправдивые обещания политиков – уже победа!

– Уважаемая леди Флоренция, уважаемые члены Сената Атлантиды! – начал представитель священной хартии, ближайший помощник отца Менкаухора-ра брат Хор Малис, – мне выпала большая честь участвовать в нынешних переговорах. Позвольте зачитать список вопросов для совместного обсуждения.

Гости благосклонно кивали. Сенатор леди Флоренция Арон дипломатично «сделала» лицо внимательного слушателя, не отвечая никакими эмоциями оратору. Она лишь мысленно комментировала речь святош. Хор Малис набрал воздуха в лёгкие и храбро продолжил:

– Наша скромная обитель, духовенство храма Великого Двуетноначалия и активные прихожане давно участвуют в археологических разработках культурных слоёв в Древней Скандии с целью обогатить познания атлантов в понимании собственной истории. В основу наших исследований апологетами идеологии Великого Двуетноначалия было положено мифотворчество атлантов.

«Ну, надо же хоть что-нибудь положить для приличия», – мысленно прокомментировала оратора леди Флоренция. Хор Малис продолжал:

– Обнаруженные в Древней Скандии артефакты свидетельствуют о подтверждении некоторых исторических событий, указания на которые есть в легендах и сказаниях первой Книги Бытия Атлантиды. Мы считаем, что наши дальнейшие исследования стоит перенести на более высокую ступень, то есть государственный уровень.

«Ишь ты, чего захотел, „не дал Бог жабе хвоста, иначе бы всю траву перетолкла!“» – подумала официальная дама. Она продолжала развлекаться, а храмовник добавил воодушевления в речь:

– Созрели объективные предпосылки для учреждения Министерства Культуры с бюджетным финансированием. Поэтому убедительно просим вас, уважаемые господа сенаторы, рассмотреть нашу скромную просьбу о предоставлении служителям духовных знаний двенадцати мест в Нижней Палате и шести мест в Палате Сената.

Леди Флоренция Арон на этих словах чуть не подавилась кусочком жаркого из агуты, подумала: «Какие молодцы святые отцы! Как глубоко копают – научную базу подводят, о Книге Бытия Атлантиды вспомнили. Двенадцать мест в Нижней Палате и шесть мест в Палате Сената!? А морда ваша лиловая не треснет случайно-то от жадности? Ну и ну, очень большой кусочек пирожочка и со сладким вкусом! Ай да святые отцы – сама невинность; скромность вас украшает!»

Воцарилось дипломатичное молчание. Все неспешно жевали, молчаливо пили напитки. Дружное перестукивание вилок и ножей, звяканье бокалов, шуршание накрахмаленных салфеток и зверский скрип стульев стали ответом оратору.

Хор Малис скрутил текст доклада в рулон, затянул шёлковой нитью и запечатал сургучной печатью, поданной другим братом священником. Он с поклоном передал свиток отцу Менкаухору-ра. Священник пристально посмотрел в бесстрастное лицо леди Флоренции Арон, как будто уловив некую толику скептицизма, и неожиданно улыбнулся:

– Леди Флоренция Арон, мы просим вас, как сенатора с соответствующими полномочиями, помочь нашим скромным усилиям не пропасть втуне. Мы бы хотели способствовать устранению стереотипов мышления, исторически изживших себя в обществе атлантов. Массовое сознание обывателя давно созрело для того, чтобы направить невостреченный идеологический потенциал в русло социально-политической проблемы глобального плана. Пусть ваша фракция обсудит этот вопрос, ведь мы тоже входим в круг ваших избирателей и почитателей.

Отец Менкаухор-ра играл «на грани фола» и против правил протокола. Прямой взгляд, короткий вздох и скромно потупленный взор должны были убедить женщину больше, чем слова. Главный священник протянул официальной даме свиток. Сенатор взяла документ в руку, но их святейшество слегка придержал бумагу, прежде чем отпустить. И был вознагражден воспламенившимся от возмущения взглядом первой красавицы фракции «Белая Медведица». Он мысленно усмехнулся: «Я, кажется, молодец!» – похвалил он себя. Леди Флоренция вытерла салфеткой полные губы, светски улыбнулась:

– Уважаемый отец Менкаухор-ра, ваше святейшество! («Ну, ты и фрукт!») Мы непременно поставим ваш вопрос на рассмотрение на ближайшем заседании «Белой Медведицы». («После дождика в четверг, жди!») Однако существуют писанные правила, обязательные для всех депутатов. («Обломайся, дорогой!») Основное из них гласит: «...все депутаты представляют одно политическое течение, общество или партию...» («Выпил много, так закуси как

следует!») Это означает, что надо соблюсти статус-кво, то есть быть представителем партии! («Съел, голубчик?») Кроме того, позвольте ремарку. («Ушки-то наостри!») В государстве Атлантида институт церкви отделен от политического управления. («Тебе носовой платочек для носика дать сейчас или позже?»)

– Что вы хотите этим сказать, леди сенатор? Мы не пользуемся правами простого электората?

– Я этого не сказала. («Достал своим занудством совсем!») Вы вправе создать партию, разработать её устав и членство. («Зелен виноград потому, что высоко висит».) Если спроектируете программу-максимум и программу-минимум и наберёте необходимое число приверженцев среди атлантов, то формально нет никаких препятствий к следующему пункту процедуры. («Каши мало ел, лиловый капюшон, поешь ещё чуть-чуть!») Если вам удастся зарегистрировать вашу партию при правительстве, как это принято Конституцией Атлантиды, то мы будем рады поздравить вас с рождением новой политической ветви. («Ветки с персиками, сплошная Камасутра, однако!»). Эту процедуру не я придумала. («Покушай-ка лимончик, милый, он кисленький!») Оглянитесь, уважаемый отец Менкаухор-ра, за моими словами народ Атлантиды. («Я говорю, оглянись, а ты мне на бюст пялишься!») Альтернатива всегда при вас. («Не ешь меня глазами!») Какие карты в руки! («Сумей-ка выиграть этот кон, господин игрок!»)

Священник поморщился. Кислое лицо его святейшества стало кислее лимона.

– Вопрос, у кого джокер? Ваш окончательный вердикт, леди Флоренция Арон?

– Письменный ответ вы сможете получить после заседания фракции «Белая Медведица». («Размечтался, святой отец!») Следите за выпуском нашего одноименного бюллетеня. Как вы понимаете, любое решение единственно, и арбитража не будет! Искренне желаем успеха! Благодарим вас за обед, он был великолепен, и за ваши усилия в области археологии. («Жук-скарабей!») Смею надеяться на плодотворное сотрудничество. («Не верь ушам своим!») Сегодня чудесный день, отец Менкаухор-ра!

– Верю, наш альянс впереди, дорогая леди Флоренция Арон! Сегодня чудесный день! – официально попрощались обе стороны.

Хозяева необычного саммита проводили правительственную делегацию до вертолёта. Трап втянулся внутрь. Двери закрылись. Из иллюминатора выглянула раскрасневшаяся леди Флоренция Арон. Отец Менкаухор-ра, отвернувшись от лиловых братьев, послал ей воздушный поцелуй. Женщина в ответ скорчила ему рожицу и показала язык.

– Змея! Тварь белая и пушистая! – прошипел про себя отец Менкаухор-ра, восхищённо цокая языком.

– Волонтарист! – пробормотала леди сенатор. Она натянула перчатки и кивнула пилотам, мысленно снимая одежды с его святейшества. Результат эротических фантазий показался ей интересным. Она негромко хмыкнула. Правительственный вертолёт взмыл в воздух.

* * *

Вскоре сенатор леди Флоренция Арон в качестве «правой руки» президента леди Гаафы Олдамы – позиции, решительно отвоёванной у мужа, уже пребывала с ревизией в восточной крепости «Аквадос» и проверяла всю имеющуюся и долженствующую иметься наличность крепости: от кухонной утвари до стратегического и тактического вооружения. Командование крепости тихо подвывало от её проверок, но деваться некуда, от резолюции сенатора леди Флоренции Арон зависело окончательное мнение президента леди Гаафы Олдамы. Важнее же было то обстоятельство, что от этого «высочайшего» мнения зависел дальнейший расклад в командовании крепостью и, прежде всего, её финансирование.

Вечерами леди Флоренция после чайной церемонии с леди Гаафой звонила из крепости «Аквадос» супругу сэру Велизару на службу и затем домой – справиться о ходе теку-

щих дел в семействе Арон. В день Выпускников высокочтимая дама планировала прилететь на церемонию в Гелиополь, посмотреть на дочь и поздравить её с этим серьёзным праздником, вступлением во взрослую жизнь Атлантиды. Удивительно, что леди Гаафа Олдама тоже решила почтить личным высоким присутствием торжественную церемонию вечера Выпускников Школы Второй Ступени. По-видимому, она просто хотела сделать приятный жест для верной подруги.

Глава 6

Восточная крепость Аквадос

На океанский песчаный берег, простирающийся близ крепости «Аквадос», с шумом набежала и вновь отступила почти в полтора человеческих роста волна. Комендант крепости «Аквадос», сэр Ольгерд, любил подолгу стоять на каменном пирсе в предрассветной тишине, дышать солёным морским воздухом и встречать первые солнечные лучи. Ему не спалось. Рассветное небо пылало алыми, жёлтыми и малиновыми грозowymi тучами. Раскаты первого весеннего грома приближались стремительно. До самого горизонта простиралась беспокойная водная стихия. Первые шторма коротки и преходящи.

Ливень промчался под натиском шквального ветра, громы отгремели. Восточное рассветное солнце рождало день, разрывая холодные мокрые обрывки туч. Сизый туман стелился над морем, воспарял к небесам и таял в лучах светила. Северное солнце золотило горизонт и спешило вдогонку неясной музыки дня. Двойной рассвет Солнца и Немезиды величественно сверкал опереньем слоисто-перистых облаков в высоком зеленовато-голубом небе Атлантиды. Трепетание дня робко качалось на умиротворенной воде, увенчанной полётами сонных легкокрылых чаек.

Комендант крепости сэр Ольгерд пристально вглядывался в едва приметную точку на горизонте. Старый бинокль мирно висел на шее в китовом кожухе. В свои годы старый вояка обладал отменным острым зрением и очень тонким слухом, чем весьма поражал подчиненных, особенно молодёжь, прибывающую на службу в крепость. Он был высок, сухопар, имел прямую осанку и лёгкую кошачью походку, несмотря на почтенный возраст. Сколько ему стукнуло лет? Оставалось догадываться. Старожилы говорили, что коменданту далеко за сотню перевалило, когда они сами молодыми поступили на службу в крепость. Он и сейчас выглядел бодро, подтянуто и моложаво. Видимо, причина его здоровья крылась и в том, что среди жителей крепости он слыл одним из потомков тех древних атлантов, которые по легенде в давно забытые времена «спустились со звёзд» и основали Атлантиду как государство. К нему привыкли как к должному атрибуту суровой природы океанского побережья. Для всех жителей морской крепости «Аквадос» он давно стал гордым символом морского стража Атлантиды.

Точка на горизонте постепенно росла и вскоре превратилась в корабль. Корабль был примитивный, но довольно массивный, управляемый парусами. Нос судна украшало клыкастое деревянное чудовище с оскаленной пастью. Корабль шёл без флага. При внимательном осмотре в пятидесятикратный бинокль комендант смело мог бы утверждать, что судно явно не торговое. Сэр Ольгерд вновь поднёс бинокль к глазам, подкрутил резкость. Озадаченно хмыкнул, вызывая в памяти страницы военной энциклопедии.

Незнакомое судно также не смахивало на дипломатическое, посланное с миссией от дружественных государств. В этот момент паруса поймали ветер и надулись. Корабль шёл уверенно и ходко, борясь с трёхбалльным штормом, ловко меняя галс при смене направления ветра. Сэр Ольгерд увеличил кратность бинокля, чтобы оглядеть морскую панораму за кормой непрошеного гостя. Появилось множество новых точек на горизонте, но их пока скрывало пеленой дождя, а редкие всполохи молний не давали возможности разглядеть следующую за флагманом эскадру кораблей. Тут сэра Ольгерда осенило прозрение. Строй эскадры не походил также на мирную миссию; скорее, порядок кораблей напоминал боевой. «Туземцы с островов Океании? Нет, вряд ли. Странствующие бродяги? Пираты? Против Атлантиды? Смешно. Но... похоже. Вот на флагманском корабле взметнулся чёрный флаг с белеющим хребтом селёдки, именуемый в народе „Весёлой Селёдкой“. Пираты, точно. Без сомнений» – теперь уже воочию убедился комендант сэр Ольгерд и досадливо повёл плечами: «Зябкий утренний воз-

дух пробрал до костей. Сейчас бы согревающего чайку с плюшками. Как эти незваные гости некстати пожаловали, однако»!

* * *

В крепости все спали, когда горны протрубили боевую тревогу. Гарнизон крепости имел три казармы для молодых стражников, защитников крепости. Стражники, отслужившие два года, поселялись уже в домах крепости с отдельными помещениями из двух жилых комнат с кухней и санузелом, именуемые по-морскому «каютами». Питались жители и воины крепости в нескольких столовых, которые подразделялись на «рыбницы», «молочницы», «кряквичицы» и кафе-«аквадоски» для быстрого перекуса. В «рыбницах» подавали рыбу, в «молочницах» – молочное. В «кряквичицах» посетители ели уток, благо утка-кряква водилась на болоте близ местных деревень. Да и охотники не перевелись среди бравых защитников крепости. В фешенебельных кафе-«аквадосках» подавали всякие яства на любой вкус.

Боевой состав гарнизона, заслышав призывные звуки мелодии боевого сбора, спросонья не сразу сообразил: играет именно боевая тревога. В отсутствии реального противника и надлежащих боевых учений служивый состав крепости всё делал неспешно – с чувством, толком, расстановкой. Бойцы крепости тщательно умылись, побрились, причесались, щедро полили себя одеколоном. Наконец они оделись и вышли, громко зевая, на плац перед казармами на утреннее построение. Всё командование крепости во главе со «столетним символом», что необычно рано для начальства, уже было на плацу. Вперёд выдвинулся адъютант коменданта – молодой выскочка из столицы – и зачитал приказ командования крепости «Аквадос»:

– Сегодня, в день весеннего равноденствия, в первый месяц весеннего сезона, в шесть тысяч сто третьем году от Исхода Звёздных Отцов коварный враг, состоящий из эскадры кораблей под под флагом «Весёлой Селёдки», приближается к берегам нашей Атлантиды. Атлантида в опасности! Стражники, командование крепости Аквадос в лице коменданта крепости сэра Ольгерда приказывает вам, как защитникам крепости и всего восточного побережья Атлантиды, сломить врага, отстоять нашу территорию и наши законные земли! Вперёд к победе! Ура!

Адъютант шумно вздохнул, сурово оглядел нестройный порядок защитников крепости и продолжил:

– План боевых тактических действий вы узнаете в своих подразделениях у ваших командиров, старших стражников. У меня всё, – адъютант захлопнул папку с бумагами и отошёл к коменданту.

Горнист протрубил уставную мелодию, и на флагштоке над черепичными крышами жилых домов и сторожевых башен взвился боевой флаг гарнизона морской крепости «Аквадос». Военный оркестр с большой помпой отыграл гимн Атлантиды. Стражники отсалютовали и строем отправились в... столовую на завтрак.

– Наконец-то настоящее дело, – радостно потирали руки старожилы, смачно чавкая утренней кашей с мясом из оленя гуанако, – повоюем!

Засиделись совсем. Пора наши старые косточки размять. Давно пора. Молодые стражники робко переглядывались между собой, неуверенно ковыряя ложкой в тарелках и с тоской глядя на кружки с компотом. Аппетит у них что-то пропал, а животы подвело как перед выпускными экзаменами в школе.

* * *

Комендант сэр Ольгерд стоял на крепостной стене и внимательно рассматривал в потёртый бинокль противника на приближающемся флагмане. Новенькие паруса алели в лучах двух рассветных солнц. Флагман пока оставался за пределами досягаемости крепостных баллист.

Для отпугивания туземцев с островов до сих пор обходились по старинке – старым оружейным арсеналом и подручными средствами. Да и нужды в том особой не было.

Нового вооружения в крепости не водилось с незапамятных времён вследствие политических баталий в Сенате о необходимости «гуманного подхода» в вопросе оборонительного вооружения. Только по завершении полной проверки арсенала крепости ревизионной комиссией, возглавляемой леди Гаафой Олдамой, можно робко надеяться и рассчитывать на модернизацию старья. Успешное решение комиссии означало всего лишь постановку вопроса о стратегическом перевооружении крепости «Аквадос» в Сенате. К сожалению, обе официальные дамы: вице-президент леди Гаафа Олдама и её правая рука сенатор леди Флоренция Арон – отлучились в данный момент в Гелиополь на торжественный вечер Выпускников. Они до сих пор оставались не в курсе разворачивающихся событий. Посланный курьер час назад вскочил на хромую жеребую кобылу – единственный в крепости наземный транспорт быстрого реагирования – и верхом выехал за пределы крепости. Увы, служебный вертолёт улетел вместе с дамами на праздник в Гелиополь. Пока посланец доберётся до железной дороги, времени пройдет немало.

За последние сорок или пятьдесят лет в памяти «столетнего символа» осталось смутное воспоминание о считанных стычках с дикими туземцами, приплывавших на бамбуковых пирогах с мелких островов Океании. Этот незначительный для политики вопрос тогда уладили с помощью предложения меновой торговли – и вся «война». Валютой послужили предметы первой необходимости: посуда, одежда, лекарства и, конечно же, стеклянные бусы. Цветные и яркие стекляшки на удивление быстро решили вопрос о мире на многие годы.

«Пираты?» – размышлял комендант сэр Ольгерд. О пиратах, морских разбойниках комендант Аквадоса узнал из столичной прессы, которую изредка завозили гости из Миртосполиса и других городов центральной и западной части Атлантиды. Однако ребята на флагмане вовсе не походили на героев тех газетных комиксов. Он, не отрываясь, смотрел в бинокль. Дистанция между крепостью и флагманом уверенно сокращалась. Стало возможно разглядеть людей на палубе. Смуглые обветренные лица, суровый взгляд, хищные ухмылки, грубые, но сильные и точные движения. Комендант сэр Ольгерд отдал врагу должное, подумав: «Бывалые вояки. Всё время в пути, в море, в переделках. Тренированная команда. Ловко морские бестии управляют со штормовой стихией, которая очень некстати затихла!»

Погода настроилась не в пользу защитников крепости. Комендант сэр Ольгерд тяжело вздохнул, он, к сожалению, пока что не выбрал окончательный вариант тактики и стратегии предстоящего сражения. Самое время созывать военный совет крепости. Он поискал глазами адъютанта. Тот подскочил и вытянулся во «фрунт»:

– Да, мой командир?

– Созывай-ка, голубчик, военный совет в Большом Стратегическом Зале. Через двадцать минут, чтобы все командиры подразделений были в наличии!

– Так точно, ваша честь! – он чётко приложил два пальца к виску, отдал честь, повернулся кругом и, захватив неразлучную папку, бегом спустился по каменным ступеням винтовой лестницы к сигнальщику, звонко цокая стальными набойками на армейских ботинках.

Вскоре сигнальщик с высотной площадки «семафорил» красными флажками приказ Коменданта, который в особых случаях становился Главнокомандующим всего гарнизона крепости «Аквадос».

* * *

Большой Стратегический Зал предназначался на случай военного совета. Кстати или некстати, но случай наступил. Стражники-командиры расселись за длинным столом согласно воинской иерархической лестнице. На торцевой к столу стене висели две географические

карты в разных масштабах, размеченные на квадраты: карта Атлантиды и карта территории, находящейся в ведении гарнизона восточной крепости Аквадос.

– Господа командиры, – обратился к ним Комендант. – Надеюсь, у вас есть, что мне сказать по поводу тактики и стратегии обороны крепости. А мне, как Главнокомандующему гарнизона, есть, что послушать?

Комендант пересел в кресло-качалку ближе к растопленному в холодном зале камину. Адьютант бережно укрыл его ноги шерстяным пледом.

– Думайте, господа. Кто начнёт? – спросил он, принимая из рук адъютанта стакан горячего чая с лимоном и вербеной.

Руку поднял широкоплечий могучий сканд по имени Магендо, командир первого подразделения, «отец» группы специального назначения – «морских дракончиков».

– Я предлагаю дождаться темноты, – загремел он глубоким басом. – И мои «дракончики» смогут захватить флагман. Видя, что он захвачен, вся эскадра пустится наутёк. И все дела, ха-ха.

Магендо победоносно оглядел присутствующих, с обожанием посмотрел на коменданта и гордо сел на место. «Столетний символ»пил чай и кивал головой. Следующим выступил Сервиньо, командир третьего подразделения, так как командир второго торопливо что-то дописывал в своём планшете. Сервиньо закашлялся от возмущения:

– Кхм! Бред сивой кобылы! Пока мы будем дожидаться темноты, противник высадится на берег и начнёт штурм крепости. Мой план такой. Надо выслать навстречу противнику наш лёгкий катер с делегацией для переговоров и выяснить у командира флагманского корабля их цели и притязания. Когда мы будем знать, что им нужно, то сможем предложить, например, меновую торговлю, как когда-то с туземцами. Я человек военный, но когда ведутся переговоры, пушки молчат. Прежде всего – дипломатия!

Комендант согрелся у камина и «клевал» носом. Адьютант невозмутимо мыл в тазике чайную посуду. Поднялся командир второго подразделения, ловкий и грациозный как ягуар Тумбо:

– Я считаю иначе. Нельзя допустить причаливания кораблей противника к берегу. Следует дать предупредительные выстрелы из орудий крепости. Если это не поможет, то разнести флагманский корабль в щепки или поджечь его с помощью больших линз. Остальные корабли эскадры потопить на подходе, а кто из морских разбойников доплывёт до берега, того взять в плен.

Слово затем дали молодым стражникам-командирам. Молодые горячие головы требовали непосредственного морского сражения. Старослужащие слушали недолго, не утерпели и начали их поучать. Выступающие ораторы заспорили, завязалась оживленная дискуссия, перемежаемая крепким неуставным словом. Участники горячей беседы перешли сначала на повышенные, затем на более высокие тона. Спорщики вскочили с мест и продолжили мысли вслух у карты Атлантиды. Они размахивали руками и что-то показывали на карте, указывали пальцами то в один квадрат на морском участке, то в другой на сухопутном. В качестве доказательств убедительного превосходства выдвигаемых версий в ход пошли руки, ноги, тычки, толчки. В воздух полетели парики, стаскиваемые с голов собеседников. Короче, военный совет вошёл в кульминационную стадию конструктивного диалога.

Адьютант между тем домыл посуду, аккуратно расставил на подносе чашки и стаканы донышками вверх и накрыл чистым полотенцем. Молодой человек посмотрел в зал. Комендант сладко посапывал носом. Ноги мелькали. Парики летали. Атмосфера накалилась до предела. Военный совет оказался воистину военным занятием.

Неожиданно прозвучал гонг. Дискутирующие члены Военного Совета замерли. Это адъютант ударил молотком в висячую медную тарелку. Дискуссия угасла. Комендант громко всхрипнул и проснулся.

– Заключительное слово предоставляется коменданту крепости Аквадос, нашему глубокоуважаемому сэру Ольгерду, – официальным тоном сказал адъютант.

– Я с большим уважением и очень внимательно выслушал предлагаемый план боевых действий глубокоуважаемых членов военного совета. Поэтому мы остановимся на классической тактике и стратегии оборонительного сооружения с учётом имеющегося в наличии арсенала и сделаем поправку на метеосводку по восточному побережью Атлантиды, – коротко подытожил заседание Военного совета комендант крепости «Аквадос» сэр Ольгерд.

Он кивнул головой адъютанту, тот подошёл к другой стене, нажал кнопку. Засветился экран волвизора, вмонтированный в стеновые панели, возник приятный женский образ, и голос диктора сообщил:

– Гидрометеоцентр Миртосполиса получил последние расчётные данные для прогноза погоды на сегодня и ближайшие двое суток. На восточном побережье, особенно в районе Аквадоса и его прибрежной акватории ожидается чудесная тёплая погода и полный штиль. Вода в акватории прогреется до плюс двадцати четырёх градусов Стандартной водяной шкалы. Для снятия зимней усталости организма показаны минеральные ванны или водные процедуры из морской воды и активные виды спорта. Песчаные пляжи – отличное место для отдыха. Хороших вам выходных, атланты! Сегодня чудесный день!

Изображение погасло. Комендант сэр Ольгерд продолжил:

– Расставим наши основные баллисты и орудия для дальнего обстрела вот здесь и здесь под углом в сорок пять градусов друг к другу, чтобы максимально охватить всю территорию прибрежной акватории против восточной и юго-восточной крепостной стены. – Далее...

Глава 7

Крепость готовится к сражению

Баллисты и орудия на крепостной стене были зачехлены крепким брезентом, зашнурованы китовым усом и опечатаны сургучом на совесть. Устав гарнизона требовал при расчехлении сломать сургучные печати и составить акт для ревизионной комиссии с указанием боевой задачи, типов целей, количества мишеней и точных координат выстрелов. Ещё один акт для заведующего складом боекомплектов представлял собой счёт-фактуру – фактический запрос на количество боевых снарядов конкретного калибра. Третий акт требовался для ежеквартального отчета с указанием калибра и количества использованных снарядов.

Адъютант заполнил необходимые бланки в трёх экземплярах на каждый акт: для коменданта крепости, для архива и для комиссии, и побежал подписывать бумаги: у заведующего складом, у главного казнокра... пардон, казначейщика, у главного бомбардира и, наконец, у Коменданта крепости сэра Ольгерда. Сначала адъютант подождал, пока заведующий складом закончит пересчитывать боеприпасы, ибо народная поговорка атлантов гласит: «считай снаряды, не отходя от пушки». Затем он ждал главного казначейщика. Эту должность занимала женщина необъятных размеров с круглым лицом и тонкими соломенного цвета волосиками в спиральных кудряшках, она делала сводную ведомость по дебету-кредиту крепости за отчётный период. Адъютант, высокий тонкокостный юноша, смотрел на её широкую спину с нависающими «гусеничками» на боках, обтянутыми блекло-зелёным трикотажным платьем в мелкий цветочек, и пытался представить, сколько тарелок она ставит на обеденный поднос. Объём макарон, куриных грудок, салатов и пирогов поразил его воображение до глубины души. «Неужели за один раз всё это можно съесть?» – подумал он.

Оставалось в бумаги вписать точные координаты мишеней. Главный бомбардир сидел за секретным военным компьютером и высчитывал баллистические траектории будущих выстрелов и вероятность их попадания в квадрат флагманского корабля. Координаты цели менялись быстрее, чем производимые бомбардиром вычисления; противник стремительно приближался к нейтральным водам. «Псс-с! Собаки, адъюги и крысы их покусай!»! Главный бомбардир сердился, нервничал и ругался сквозь зубы так тихонько, чтобы не подавать молодому поколению дурной пример. Адъютант отвернулся и сделал вид, что ничего не слышит, рассматривая за окном чужой корабль, стремительно приближающийся к границам нейтральных вод. Шёлковые паруса играли в лучах обоих солнц жёлтыми, оранжевыми и голубыми зайчиками. Архитектура корабля поражала сложным инженерным устройством, осадкой корпуса и грозными орудиями, пушками с железными ядрами на верхней палубе. Пираты резво бегали по палубе и пристально рассматривали крепость «Аквадос» в подзорные трубы. Наконец, адъютант получил необходимые подписи и отправился согласовывать бумаги с комендантом.

Комендант крепости сэр Ольгерд никуда не торопился, по-стариковски парил ноги в тазике с крапивой, пил второй стакан чая с лимоном и вербеной и слушал донесение командира разведгруппы. Тот бойко тараторил, делая пространный доклад о диспозиции вражеской флотилии, и время от времени ковшиком подливал кипяток в тазик начальнику. Адъютант ждал своей очереди для доклада. Пираты приближались.

* * *

Лазурное рассветное море ласково плескалось за бортом пиратского корабля. Капитан флагмана Смигл сидел на носу корабля в деревянном резном кресле и в подзорную трубу разглядывал жёлтую песчаную косу и морскую крепость. Высота каменных стен достигала семи-

десяти ярдов. Замшелые стены густо оплетали лианы дикого винограда. В кудрявых ветвях гнездились шумные птицы. Крепость на первый взгляд не подавала признаков жизни: сквозь отсвечивающие зеркальные стёкла в башнях разглядеть внутреннее устройство помещений и его обитателей не получалось. «Неужели эта земля и есть легендарная страна древних сокровищ – страна золота и несметных богатств? Может, легенды всё врут? Так, байки старики бают для красного словца?» – размышлял капитан. – «Кто бы ни жил в крепости или на берегу, он укажет ему, бывалому морскому волку, самому Смиглу, местонахождение клада. А если клада нет вовсе? Хм. Значит, в крепости есть мясо, вино и женщины! Есть просто добыча! Что-то же там должно быть!» Погода успокоилась. Видать, сам морской царь заступился за искателей приключений. Это хороший знак. Смигл засунул подзорную трубу за пояс камзола и набил трубку табаком.

Пиратский корабль пережил очередной шторм и ходко шёл к земле. Разношёрстная команда моряков после борьбы со штормом отправилась в трюм отдохнуть. Вахтенные на палубе широко зевали и громко пускали кишечные газы. Моряки устало кряхтели, разминая спины, и почёсывали бока, проглядывавшие голой кожей сквозь рваные тельняшки. Они тёрли обветренными ручищами воспалённые красные глаза, шумно сморкались за борт. Появился сонный кок в большом переднике и с бутылкой крепкого рома в плетёной корзине, направился на камбуз. За ним, громко мяукая, важно переваливался с лапы на лапу большой толстый кот. Бурая мохнатая шерсть, любовно расчёсанная щёткой, лоснилась. Он шурился от восходящего восточного солнца, но не забывал при этом требовать у хозяина рыбу. Хвост мохнатого пирата гордо торчал «трубой» вверх. Смигл мотнул головой, и кок подал ром капитану, тот сделал пару хороших глотков и вернул бутылку.

– Что на завтрак, убийца? Опять каша с квашеными моллюсками? Плесневелые сухари? Видеть больше не могу это, – Смигл поморщился и сплюнул на палубу.

– Господин капитан, я готовлю из запасов. Я, что? Прикажете людям наловить сетью свеженькой рыбы, я зажарю на соевом масле. Масла вроде бы много в кувшинах, соль есть, – кок смиренно потупил заплывшие жиром глазки. Подобострастно наклонился и с чувством огорчения вздохнул.

– Люди устали после шторма. Впрочем, чёрт с тобой, старый разбойник! Возьми одного вахтенного, пусть спустит трал за борт! Рыба-рыба. Крепким мужикам мясо надо жрать, чтоб силу иметь, – он отвернулся и посмотрел вдаль.

Полоска горизонта была подёрнута слабой дымкой. Сизый утренний туман поднимался с моря и открывал жадному взору береговую крепость. Вожаденная добыча заставила старого пирата подумать о штурме каменного морского форта. Ничего страшного. Плавали – знаем. Не в первый раз морскому народу города брать приходится. Они дело своё знают неплохо. Береговая линия становилась ближе, отчётливее. Птичий базар не разбудил разбойников. Крики белых чаек и длиннокрылых альбатросов, круживших над палубой, интересовали только корабельного кота.

* * *

Мелководье рябило прозрачной тёплой водой. Маленькие угри резвились в придонном слое. Порою рыбки всплывали к поверхности воды, порою зарывались в мелкозернистый песок, поднимая мутные воронки. Медузы прибились к берегу и качались на зеркальной ряби после предутреннего шторма. Белые полупрозрачные кисельные медузки грелись в солнечных лучах и вносили идиллическую ноту в прибрежный пейзаж. Разноцветные радужные ракушки влажно поблёскивали капельками непросохшей воды. Умиротворенные волны неторопливо дышали солёным воздухом и ласково подлизывали набегаящими барашками мелкий, словно сахар, песок. Картину мирной природы довершали выброшенные на берег сучья и брёвна

каких-то корявых и засохших деревьев, покрытые тёмно-зелёными водорослями – ламинариями. Комендант опустил бинокль, он выжидал. Его хитрый стратегический план должен был сработать...

* * *

В казармах наблюдалось полное запустение.

– Где боевой состав? – спросил комендант у дневального. – Я хотел поверку сделать.

– Они в отхожих местах, с животами маются, господин комендант.

– И давно возникла эта «маета?»

– После завтрака, сэр, – промычал дневальный, придерживая живот и согнувшись пополам.

– Дружок, пригласите ко мне нашего главного эскулапа, срочно! – приказал комендант сэр Ольгерд адъютанту.

Сэр Ольгерд рассердился не на шутку. Адъютант повернулся кругом и рысью побежал в лазарет. Главный эскулап в белом халате и с саквояжем в руках с достоинством прибыл в казарму. Его сопровождала смазливая ассистентка с пышными формами. Он снял лицевую повязку и поздоровался:

– Сегодня чудесный день, господин комендант!

– Пока что я не заметил этого. Чудесным, господин эскулап, он будет, если немедленно не прочистите кишечник нашему боевому составу. Что было на завтрак? О! Простите, мисс...

– Мисс Мари, сэр Ольгерд.

– Очень приятно, что-то я не припоминаю вас в штате нашего лазарета, – он с удовольствием чмокнул руку молодой женщине. – Господин эскулап, вы не ответили на мой вопрос. Что ели стражники в столовой утром?

– Не могу знать, я не ходил в столовую.

– Так будьте любезны узнать! Простите, мисс Мари, дела службы обязывают. И займитесь больными. Чистый кишечник и бодрый стражник – ваш девиз на сегодня! Диспозиция ясна?

– Так точно, сэр! Будет исполнено! – главный эскулап подобострастно отдал честь и затопился к лазарету. – Мари, за мной!

Лазарет представлял собой длинное одноэтажное здание, выкрашенное некогда розовой краской. Ныне же взгляду мисс Мари открывался фасад, изрядно прореженный до бетонного основания проплешинами от дождей. На крыльце лазарета появились первые мающиеся животами стражники. Подтягивались и другие будущие бойцы с кислыми выражениями лиц. Увидев группу вразвалочку шествующих защитников, комендант решил ускорить процедуру оздоровления личного состава.

– Где старший командир? А, это вы? Строем в лазарет на лечение! Всем составом шагом марш!

– Есть, господин комендант! – ответил старший стражник. – Мигом будем там.

В коридоре лазарета было столпотворение, – не протолкнуться ни вперёд, ни назад. Медсёстры и медбратья сновали туда-сюда с большими клистирными кружками, но всё равно не успевали всех обслужить. Народу не убавлялось. В туалеты выстроились длинные очереди. Медицинский регистратор объявил перерыв в процедурах. Персонал лазарета собрался на планёрку в кабинете главного эскулапа Амброса.

– Господа эскулапы, – начал ординатор Викл. – Мы открываем внеочередной консилиум по известному вопросу. Только что стали готовы результаты пробных анализов пациентов. Пожалуйста, доложите эпидемиологическую обстановку в крепости, – кивнул он клиническому лаборанту:

– Как свидетельствуют данные электронной микроскопии, вибрионов холеры, кишечных палочек и прочих желудочно-кишечных возбудителей выявлено не было.

– Спасибо. Коллеги, какие будут мнения?

– Два целителя – пять диагнозов! Однако, позвольте заметить, – поднялся старый фельдшер Папюс, протирая очки. – Я помню давнюю стычку с туземцами Океании, которая произошла лет эдак тому, э-ээ... двадцать-двадцать пять назад. Точнее сказать не могу, запомнил. Так вот, тогда к нам в крепость также прибыло молодое пополнение. Это случилось на второй день осады крепости. Выставили мы в ночной дозор молодёжь на крепостную стену. Ночь выдалась безлунная, но ясная. Сезон дождей давно минул. Стояла прекрасная осенняя золотая пора. По ночам было довольно тепло. На море штиль. За крепостной стеной на берегу туземцы поставили хижины из хвороста, переплели лианами...

Слушатели не торопились. У фельдшера Папюса в запасе всегда отыскивались прелюбопытные байки.

– Как сейчас помню эту историю, – Папюс рассказывал, а слушатели замерли, словно воочию видели ту жуткую ночь.

* * *

Дикари развели большие костры на песке, жарили на вертелах диких кабанов, которых, между прочим, отстреливали в наших же лесах. Веселились. Словом, туземцы готовились к долгой осаде крепости. Днём они сплели травяные лестницы. К вечеру достали длинный мешок из своей пироги, который крепко завязали веревкой. Мешок иногда шевелился и подпрыгивал. Всё это видели в свете костра дозорные со стены. Ближе к полуночи дозорные устали, присели на циновках прямо на полу, да и задремали. Когда медный крюк с веревкой зацепился за стену рядом с ними, ни один не шевельнулся. Стражники проснулись позже, почуяв непривычный запах. Они обошли участок крепостной стены, посматривая на берег. Туземцы ликовали и прыгали у огня, их шаман ритмично бил в бубен, потрясая косматой маской. Женщины туземки, расписанные белой краской, танцевали ритуальные танцы. Дозорные повернули обратно и наткнулись на длинный мешок. Они посветили фонариками. Длинная верёвка, петлеобразно свернутая, валялась рядом. Нога одного стражника попала в петлю, и он споткнулся. Капкан захлопнулся, верёвка крепко затянулась вокруг щиколотки дозорного. Он дрыгнул ногой, мешок развязался. Из мешка, не торопясь, выползла большая зубастая ящерица и кинулась на них...

* * *

– Да уж, слова из песни не выкинешь, – заметил кто-то из слушателей. – Она напала на них?

– Как сказать. «Бежим!» – крикнул один стражник и кинулся наутек. Открытая пасть, знаете, прыти-то в ногах придает, поверьте, – продолжил рассказчик. – Они опомнились, когда захлопнулась дверь, ведущая со стены вниз. Мешок остался за дверью, а товарищ с капканом на ноге внутри. Крепкая та была верёвка. Позже мне пришлось вызволять ногу дозорного из того зубастого механизма.

– Разве бывают такие большие ящерицы? – спросил один практикант.

– А? Ну, что вы! Какая там ящерица!? Крокодила мы выловили пару дней спустя, пока нашли рыболовную сеть, пока приманку, в общем, такая история вышла.

Атланты зачарованно внимали бы Папюсу и далее, если бы не действительность.

– Ну и какой диагноз? – спросил ординатор Викл.

– Ах, диагноз? Да просто невроз. Я помню, кому после этой истории выпадало ночное дежурство, чего только со стражниками ни приключалось – лишь бы не идти в дозор. У кого живот болел, у кого ноги подкашивались, у кого всё вместе. Вот так-то, коллеги. Невроз, – констатировал фельдшер Папюс.

– И что вы предлагаете нынче? Мы столкнулись с массовым явлением «невроза?»

– Ничего. У нас есть господа практиканты. Свежие медицинские знания. Знание – это, знаете ли, сила! Спросите их! – фельдшер Папюс утёр пот со лба и сел на стул.

Викл суровым взглядом обвёл кучку практикантов и остановился на белобрысом паренёке.

– Я? – как ужаленный подскочил со стула Марин, молодой практикант с веснушчатым носом, он лихо надвинул белую шапочку на ухо и закатил глаза к небу, мысленно перелистывая учебник терапевта и выискивая подходящую тему.

– Ну-с, молодой человек, обнаружьте ваши сильные знания, мы просим, – ассистентка главного эскулапа Мари ободряюще улыбнулась, показывая крепкие белые зубы.

– Ну, это... клизмы при таком диагнозе не применяются, точно. Я предлагаю успокоительный чай и закрепляющее средство, на всякий случай.

– Всё гениальное – действительно просто! – скептическим голосом воскликнул ординатор Викл, пихая локтем в бок пышногрудую ассистентку, подмигивая ей глазом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.